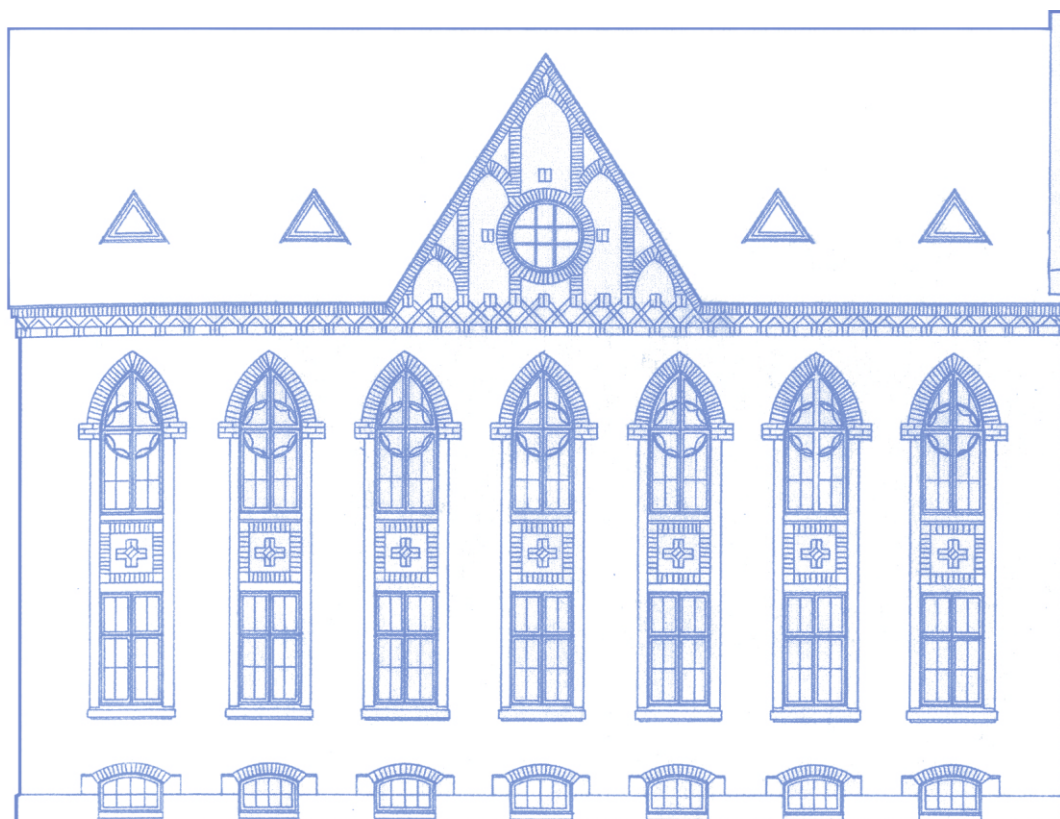

Сердоболь

5 выпуск

ГОРОДСКОЙ АЛЬМАНАХ * KAUPUNGIN ALMANAKKA

IN VIH₂O
VERITAS

С плаката “H₂O” художников Бухеевых 1998г.

ГОРОДСКОЙ Сердоболь АЛЬМАНАХ

Редколлегия

Арт - директор
Виталий Рыстов
Генеральный секретарь
Светлана Романова

Игорь Борисов,
Лейла Берая, Светлана Григорьева,
Валентина Кирьянова

Координаты

Республика Карелия,
186790
г. Сортавала
ул. Карельская, д.19, а/я 13
тел.+7 (921) 604-09-61
Skype: almanah-serdobol
e-mail: serdobol-almanah@yandex.ru

Наместники

В Петрозаводске:
Раиса Мустонен,
Владимир Судаков.

В Йоенсуу (Финляндия) :
Александр Изотов
Aleksander.izotov@joensuu.fi

P. S

Изготовление и размещение
рекламы: 8 (921) 604-09-61
Мнение авторов могут не
совпадать с позицией редакции.
Альманах издаётся с марта
2008 года
Выпуск 5
Тираж 999 экз.

ТЕМА

Про воду

4

ОБИТАТЕЛИ

Адвокат

22

Беллетрист

26

Пловец

30

Режиссер

32

Стихотворец

40

животное

42

ОБЪЕКТ

Бывшая типография

44

ОКРЕСТНОСТИ

Кирьявалахти

51

TIIVISTELMÄ

56

Про воду

Вода - один из четырёх первоэлементов, из которых состоит мир. Древнегреческий философ Фалес считал, что вода - первооснова всего, а земля в виде плоского круга плавает в водах безграничного океана. Глубокая древность приписывала воде творческий, божественный характер. Отсюда святость струй Ганга для индусов, Нила для египтян, Рейна для древних германцев, Дуная для славян. Таинственную глубину вод поэзия выбрала обиталищем наяда и nereид, русалок, водяных и т.п. В карело-финском эпосе "Калевала" есть свои мифологические жильцы водоёмов: Ахто - бог, водяной, его представляли в виде старика с бородой, а в некоторых рунах и в виде рыбы. Имя главного героя - Вяйнемейнена, родившегося и обладающего способностью жить в воде, - переводится как широкий, спокойно текущий участок реки в устье.

Наличие большого числа водоёмов в нашем регионе, во многом определило характер и быт населяющих Приладожье народов, придало неповторимый колорит природе. В данном разделе Альманаха фрагментарно представлены статьи трех сортовальских авторов (Ю. Линника, А. Изотова, П. Войцеховского), а также материалы из публикаций местной прессы, так или иначе затрагивающие "водную" тематику.

...Хлябь и твердь, вода и суша: их извечное противостояние - когда спокойно-созерцательное, когда бурно-динамичное - предопределило многие черты в карельском ландшафте. Водная стихия по-разному входит в него: то мягко вписывается широкими зеркалами, то резко рассекает пенными стремнинами. Природа Карелии умеет удивлять. Это драгоценное свойство мы обнаруживаем и у ее озер, и у ее рек. Если путешествие по равнинной реке может быстро наскучить в силу монотонности впечатлений, то карельская река буквально на каждом своем повороте сулит нам неизбытную новизну. По сути дела это река-лестница: небольшая по длине, она может иметь весьма существенный перепад между своим истоком и устьем. Именно в этом перепаде заложено ее своеобразие. Река не течет, а скорее прыгает со ступеньки на ступеньку, - и бег ее легок, стремителен. Правда, крутые ступеньки могут быть разделены довольно длинными участками спокойного течения, - но даже и здесь, у зеркального плеса, мы обязательно будем слышать гул ближнего переката. Северные реки на редкость звонкоголосы. И сколько бодрости в пении хрустально чистых струй!

Реки Карелии во всеулышанье - звоном и рокотом своим - говорят о молодости нашего ландшафта. Ведь он еще не успел попасть под уплощающий нивелир энтропии, - в нем четко сквозит многоярусное строение, ему присуща каскадность. Странно думать, что эта трехмерная скульптурность ландшафта - со всеми его выпуклостями и впадинами - когда-нибудь превратится в нечто плоское и гладкое. С ростом энтропии в ландшафте уменьшается информация, столь существенная для нашего эстетического чувства природы. Возрастающие силы эрозии - этой верной союзницы энтропии - неизбежно возьмут верх. Однако северные реки свидетельствуют о том, что это в Карелии произойдет не скоро, -

наш замечательный ландшафт воплощает в себе антиэнтропийные начала мира. Не потому ли он так притягателен для нас? Импульсы новых впечатлений поступают от него ежемгновенно. Вода является верным орудием эрозии. Но в Карелии у нее очень сильный противник: кристаллические породы, обладающие необычной твердостью. Поэтому все многовековые усилия воды, стремящейся сгладить неровности ландшафта, пока по сути дела идут насмарку. Этот валун, стоящий среди речного переката: не нужно думать, что его поверхность оглажена потоками воды - безупречная шлифовка наведена еще ледником. Вода бессильна против гранитных пород. И перемены, вызываемые ею в ландшафте, на севере весьма незначительны. Увидев бешеный речной поток, зажатый в узкую теснину между двумя скалами, мы склонны думать: это вода пробуравивала для себя ход в монолите скалы. Но вывод наш поспешен и ошибочен, хотя внешне все выглядит именно так: камень раздвигается, уступая натиску вод. Только эти своеобразные ворота в скале возникли благодаря тектонической подвижке. И вода, выбирая кратчайший путь для сбегания вниз, нашла их. Нашла, но не пробила. Сама по себе она слишком маломощна - несмотря на все свое неистовство возле порогов - для того, чтобы поколебать прочные кристаллические связи: камень не дается ей. Однако вода может заставить камень работать против камня. Если приглядеться к гранитному ложу Кивача в тот момент, когда уровень воды мал, - то мы увидим: днище водопада глубоко пробуравлено в разных местах, - оно все как бы дырчатое, скважистое. Какие сверла поработали здесь? Это камни - подчас крупные, величинной с кулак: крутны воды захватывали их и быстро вращали. Порой на дне таких лунок мы можем нащупать камень, выполняющий роль сверла, - при сильном паводке он будет продолжать работу.

Водная сеть Карелии имеет очень своеобразное - можно сказать, четковидное строение: на нитку реки чередой бусин нанизаны озера. Это очень красивая структура, опять-таки отмеченная печатью разнообразия, - любителю природы она сулит постоянную смену впечатлений. Вот идешь вдоль небольшой живописной речушки - и вдруг видишь: вдали синее озеро. Пройдешь до конца озера - и опять встретишься с речкой: она поведет тебя к новому озеру. Тут есть ритм, есть повторяемость: река-озеро-река-озеро. Но до чего же они индивидуальны, эти речушки и эти ламбушки! Да, в них всегда можно найти нечто типическое, характерное именно для севера, - однако эти общие черты не мешают проявляться чудесному качеству неповторимости. Эстетическое своеобразие карельского ландшафта во многом обусловлено озерными зеркалами. Это всегда таинственно: удвоение мира в отражении. Очарованно глядя на то, как мир повторяет себя в незыблемой глади, невольно задумываешься о законах симметрии, лежащих в основе бытия, - и связываешь эти законы с великими началами красоты. Чудо отражения совершается в тончайшем слое воды, который физики называют пленкой поверхностного натяжения. Как грациозно движутся по ней водомерки! Слегка прогибая зеркало, они никогда не продавливают его. Пленка поверхностного натяжения является

самой удивительной в мире экологической нишей, - и занимают ее не только водомерки, но и пауки-доломедесы, жуки-вертячки, ногохвостки. Как опору для себя, используют озерное зеркало листья многих водных растений, - изумительно красивой аппликацией ложатся они на стекло залива. Вот лист нимфеи белой: его хочется сравнить с зеленым плотиком, взятым на привязь стебля. Между прочим, это тоже экологическая мини-система - причем как бы двуборотная: верх листа подчинен законам воздушной стихии, а испод находится уже в другой среде. Поверхность листа - своего рода аэродром: на него часто садятся жуки-радужницы и стрекозы-стрелки. Но вот мы переворачиваем лист - и сразу оказываемся в другом экологическом измерении: изнанку листа можно описать как площадь фантастического подводного городка, - столько здесь построек, и причем весьма разнотипных. Вот зеленый шалашик, искусно возведенный личинкой бабочки-огневки; вот изумительная в своем совершенстве спираль раковины-катушки; вот домик-трубка ручейника. Сколь живописен этот микроландшафт! Он как малый мир внутри большого мира. Восхищаясь величиим широких северных панорам, не забудем о подробностях, которые хорошо рассматривать через лупу: В них своя красота, своё очарование...

Юрий Линник, из статьи "Ландшафты Карелии"

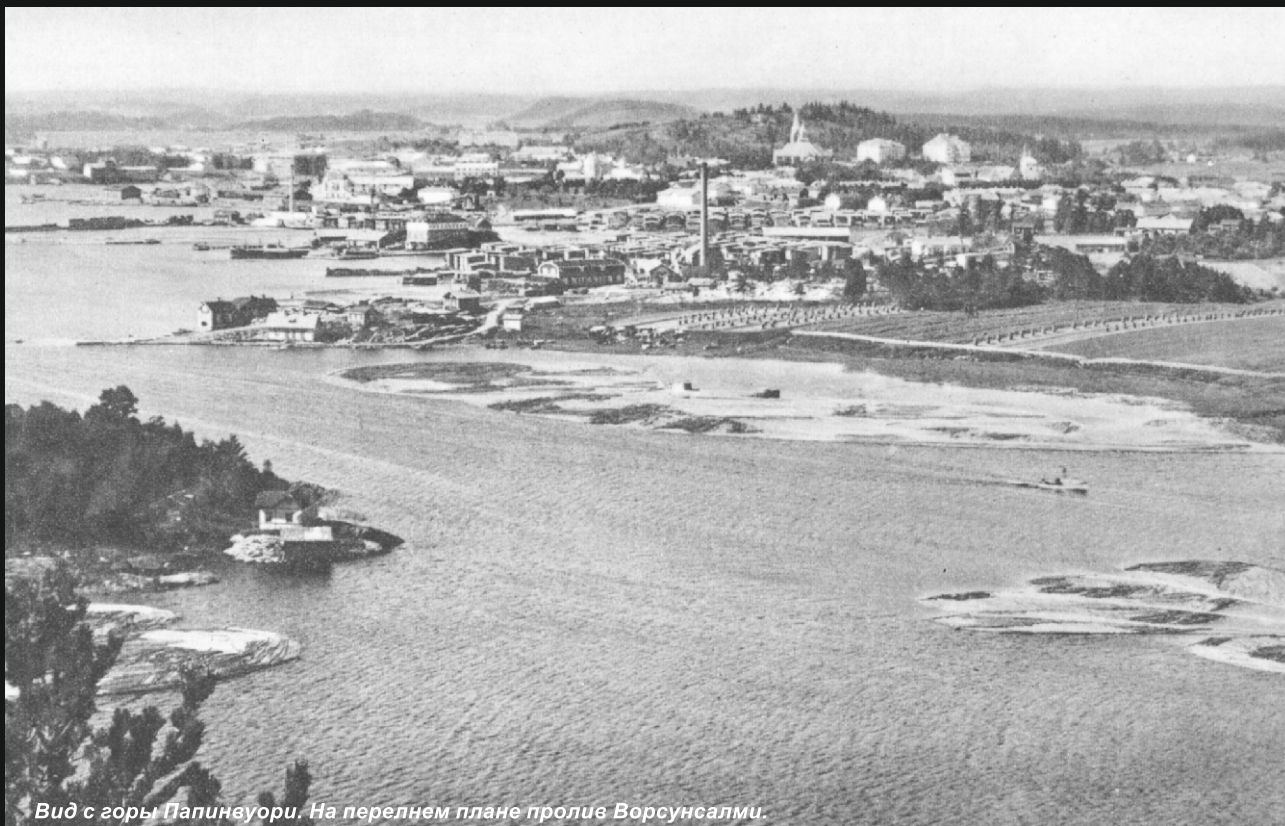
Залив Кирьявалахти. фото Виталия Рыстова

Летом старый мост становился пирсом для лодок

...Магия Сортавалы рождена поэзией воды и камня, их диалогом. Северное Приладожье - дом не только для человека, но и для лесных и озёрных обитателей. Ещё сравнительно недавно он был полной чашей, однако ситуация изменилась и продолжает меняться стремительно и радикально. В 1950 - 1960-е годы весь берег залива Вакколахти был по весне заполнен рыбаками. Они располагались с удочками и саками, оборудованными самодельными подъёмниками, у железнодорожного моста, вдоль узкого прохода, ведущего из залива в окружающую Сортавалу систему озёр. Начинается эта система с «Персидского залива», названного так жителями по фамилии хирурга, работавшего когда-то в соседнем деревянном здании городской больницы. Построенная ещё финнами, больница долгие годы сбрасывала в залив все свои отходы. Речка, ведущая из Вакколахти в заболоченное озеро Айранне, находящееся за городским парком, обмелела и завалена мусором. Теперь в весеннюю пору в лучшем случае можно увидеть одного-двух рыбаков. Да и мальков в протоке немногим больше.

Сортавала окружена водой со всех сторон, её территория когда-то была островом. Пространство вокруг города сформировано тремя озерами - Ляппярви на юго-востоке (вид на него открыт с многих точек центральной части Сортавалы), Кармаланярви на севере и Хюмпелянрви на юго-западе. Тухкалампи, небольшое озеро, соединяющееся с Ладогой упомянутым выше ручьем (на самом деле это бывший некогда полноводным залив Ваккосалми, соединявший и озеро Айранне, и озеро Тухкалампи), стало превращаться в болото ещё при финнах. Историк Исмо Бьёрн упоминает о миллионах лягушек и о многочисленных тритонах, населявших это заболоченное озеро уже в начале XX века. Для русских

Вид с горы Папинвуори. На переднем плане пролив Ворсунсалми.

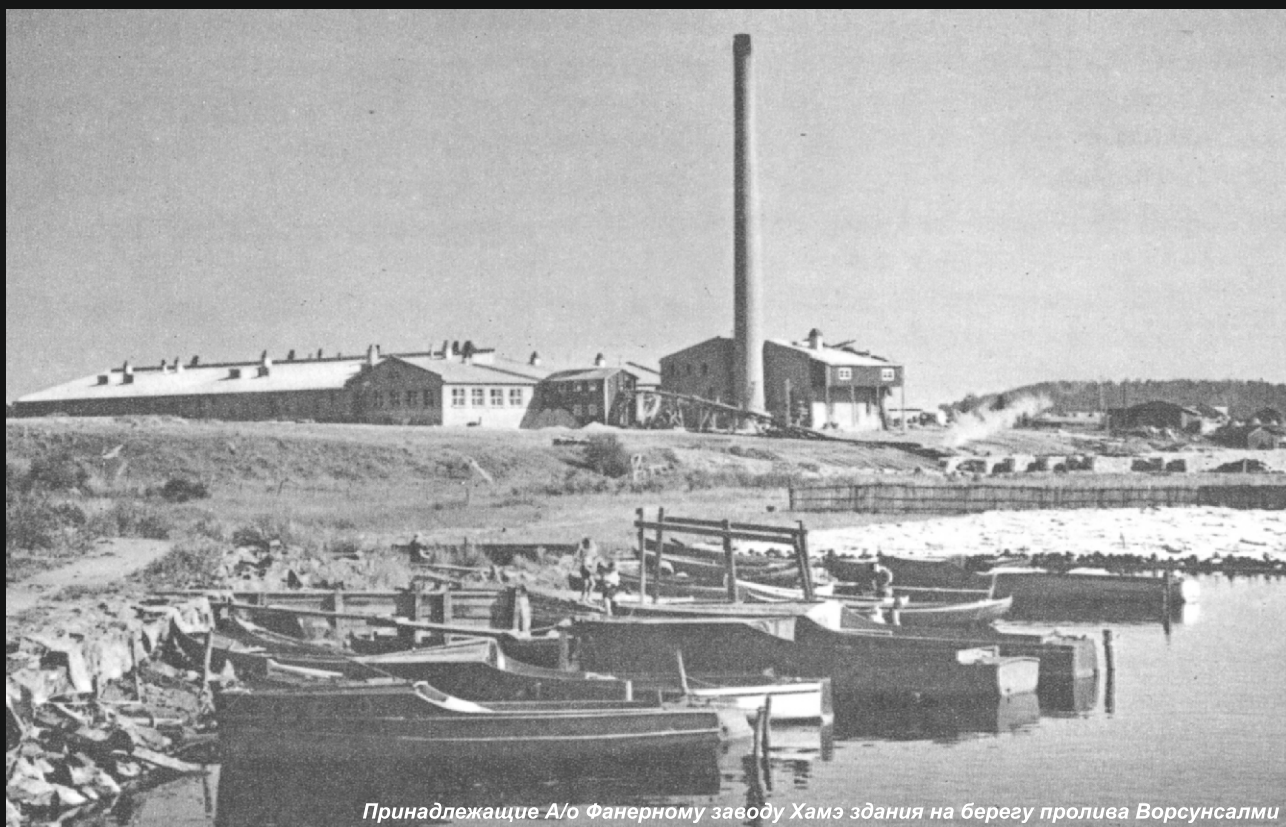
поэтов, от Фета и Мандельштама до Елены Шварц, амфибии - один из символов Италии, и Сортавалу когда-то тоже можно было назвать «городом ящериц» (вновь средиземноморский мотив). Память детства возвращает - из фетовской «Италии» - образ «ящериц, мелькающих кругом, / И негу их на нестерпимом зное...». Куда они, эти маленькие коричневые рептилии, безуспешно маскировавшиеся под серо-бурый цвет местных камней, теперь исчезли? Даже на Кухавуори, скале городского парка Ваккосалми, их было видимо-невидимо... Уже в конце XIX века в связи с прокладкой железной дороги значительная часть этой экологической системы пострадала - залив Вакколаhti и озеро Тухкалампи пересекла насыпь. Последствия стали ощущаться не сразу; но сегодня, в сочетании с другими неблагоприятными факторами, картина окружающей город водной среды производит удручающее впечатление.

Ещё финны начали целлюлозно-бумажное производство в близлежащих Ляскеля и Питкяранта. После аннексии СССР Северного Приладожья эти находящиеся непосредственно на ладожском побережье предприятия стали гордостью советской индустрии - и источником загрязнения великого озера. Промышленное производство и туризм всегда сочетаются плохо. Финны по крайней мере строили небольшие промышленные предприятия с трубами из красного кирпича и деликатно - в стороне от центра города. Ныне эти объекты даже придают дополнительное очарование городской среде. А вот хозяйственники послевоенного периода возвели, не задумываясь, гигантскую, уродующую город трубу в максимальной близости к историческому центру. Пользуясь метафорой Елены Фанайловой, можно сказать, что не иголкой прикола та центральная котельная к обоям городского ландшафта, а железным ломом...

Александр Изотов, из статьи в журнале "Вестник Евразии" №1 2008г.

Туман "съел" часть городской трубы

Принадлежащие А/о Фанерному заводу Хамэ здания на берегу пролива Ворсунсалми

Альберт Эдельфельт "Merellä" 1883 г.

Одним из основных промыслов населения Приладожья издревле являлось рыболовство. Рыболовный сезон совпадал с началом весеннего нереста рыб. Но задолго до этого по погоде в определенные дни (Масленица и Пасха) предсказывали удачен ли будет улов. По народным приметам судили о том, какая рыба и когда будет лучше клевать. По мнению карел, если дул северный ветер или была полная фаза луны в эти дни - значит, удачи не жди. На осадки и температуру воздуха внимания не обращали. Еще зимой по разным приметам определяли, когда и какая рыба пойдет на нерест. Считалось, что плотва начнет нереститься в такую же погоду, какая пришлась на Масленицу; щука, когда поет дрозд, а лещ при первом куковании кукушки и цветении можжевельника.

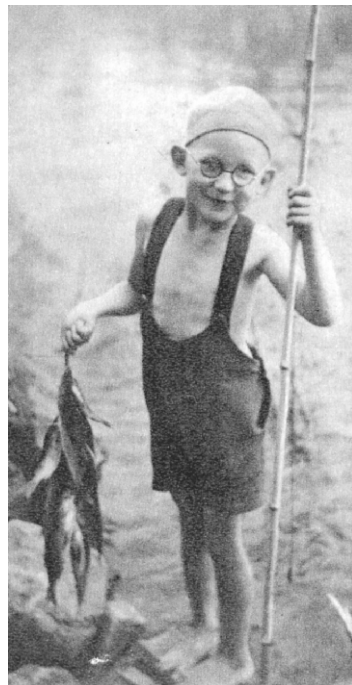
Основными средствами передвижения в летнее время были различные типы лодок: долбленки-однодревки, карбасы, плоты. Задолго до начала рыболовного сезона мужчины занимались трудным и кропотливым делом - изготовлением новой лодки. За 3 года до этого карелы выбирали большой дуб с прямым, толстым стволом. Долотами стесывали кору широким кольцом у корней. Не получая из земли питательных соков, дерево сохло. Когда древесина становилась звонкой, как бубен колдуна, наступало время валить дуб. Для этого очищали от земли корни и разводили под ними костер, роняя наземь дерево. Это дерево делили надвое, отделяя гладкий ствол от верхней части. Долго трудились карелы, пока огромный чурбан не превращался в лодку - однодревку, тяжелую и неуклюжую.

Приладожские древние рыбаки пользовались так же лодками-ладожанками. Мастерами по шитью знаменитых лодок-ладожанок славился остров Хавус. Лодки эти шились широкими, дабы придать им большую устойчивость на высокой и крутой озерной волне.

В Северной Карелии часть старой лодки даже служила надгробным памятником, причем на могилу мужчины обычно клали кормовую часть лодки, а на женскую - носовую часть (т.к. женщина управляла веслами, сидя на носу лодки).

В древности, самое распространенное орудие лова - рыболовная сеть - имелась не в каждой семье. Сети вязали из конопляных нитей. Возделывание конопли - технической культуры,

использовавшейся для изготовления сетного полотна, началось, только после появления земледельческого населения - прибалтийских финнов (вепсов, карел) и славян. Ставными неводами ловили на артельных началах. Улов делился между рыбаками «по долям», соразмерно затратам на изготовление этого невода. Если рыба не шла в сеть, то сеть стегали ольховыми ветками. К первой трети 20 века рыбной ловлей в Сортавала и окрестностях занимались около 1 тысячи семей (при 4-5-тысячном-то населении), так как около 50 процентов жителей прихода проживало на островах и побережье, и г. Сортавала считался основным рыбопромысловым районом финляндского Приладожья. Всего же по побережью рыбачили к середине 30-х годов, 2500 семей. Местные рыбаки ходили под парусом, а «50 моторок буксировали лодки рыбаков-соседей». Летом ловцы, бывало, углублялись в поисках улова до полусотни километров вглубь советских территориальных вод - конечно, с получением специального разрешения. Самым рыбным местом считался район Вуохенсало, что возле Какисалми (Приозерска), в 20 километрах севернее залива Сортанлахти. Этот залив в 1933-1934 годах стал основным местом лова ряпушки: до 120 лодок собиралось здесь в осеннюю путину, ставя сети с 15-18-миллиметровой ячейей». На побережье Ладоги имелось два рыбоводных хозяйства - в том же Вуохенсало и в Юканкоски, причем последнее действовало с 1933 года.

Пароходъ ,

Капитанъ

ВЪ НАВИГАЦІЮ СЕГО ЛѢТА ПАРОХОДЪ

съ открытія до закрытія нави

ОТХОДИТЪ:

Изъ Петрограда—къ Сердоболь:

Изъ Петрограда въ Коневецъ по Пятницамъ въ 10 ч. — м. у.

„ Коневца „ Валаамъ „ Субботамъ „ 7 „ 45 „ „

„ Валаама „ Сердоболь „ „ 1 „ — „ д.

ПРИХОДИТЪ:

Въ Коневецъ по Пятницамъ въ 8 ч. 30 м. в.

„ Валаамъ „ Субботамъ „ 12 „ — „ „

„ Сердоболь „ „ 3 „ — „ „

Съ 15 Августа до

Изъ Валаама въ Сердоболь по выгрузкѣ товаровъ (приблиз. 3—5 ч. дня).

По случаю годовыхъ монастырскихъ праздниковъ на

Изъ Петрограда:

Вмѣсто Пятницы 12 Юня въ Четвергъ 11 Юня

Въ Вторникъ 23 „ въ 10 ч. утра.

„ Пятницу 26 „ „ 10 „ „

„ Вторникъ 4 Августа „ 10 „ „

„ Пятницу 7 „ „ 2 „ дня

ПРИМѢЧАНІЕ: 1. На пути изъ Петрограда т. е. по Вторникамъ и Пятницамъ, пароходъ
2. Время прихода и отхода парохода, исключая Сердоболя, — обозначено

Цѣны пассажирскимъ билетамъ:

	одномѣст. каюта	Коневецъ:			одномѣст. каюта	Валаамъ:			одномѣст. каюта	Сердоболь:		
		1 кл.	2 кл.	3 кл.		1 кл.	2 кл.	3 кл.		1 кл.	2 кл.	3 кл.
Петроградъ .	5 50	3 75	2 75	2 25	6 50	4 75	3 75	2 75	7 —	5 75	4 50	3 —

Обратные билеты только 3-го класса до Валаама 5 р., до Коневца 4 р.

ПРИМѢЧАНІЕ: За болѣе подробными свѣдѣніями можно обращаться въ Петроградъ 96—43, а также и къ сторожу самой пристани, а въ Сердоболь

Пристань—Калашниковская набер

„ВАЛААМЪ“

С. ХОВИ.

„ВАЛААМЪ“ ИМѢЕТЪ СОВЕРШАТЬ РЕЙСЫ

гаціи одинъ разъ въ недѣлю:

Изъ Сердоболя—въ Петроградъ:

ОТХОДИТЬ:

Изъ Сердоболя въ Валаамъ по Субботамъ въ 8 ч. — м. в.

„ Валаама „ Коневецъ „ Понедѣльн. „ 5 „ — „ д.

„ Коневца „ Петрогр. „ 10 „ — „ в.

ПРИХОДИТЬ:

Въ Валаамъ по Субботамъ въ 10 ч. — м. в.

„ Коневецъ „ Понедѣльн. „ 9 „ — „ в.

„ Петрогр. „ Вторникамъ „ 7 „ — „ у.

закрытія навигаціи:

Изъ Сердоболя въ Валаамъ по Воскресеньямъ въ 7 ч. утра

Валаамъ и Коневецъ пароходъ „ВАЛААМЪ“ отойдетъ:

Изъ Валаама—въ Петроградъ:

Вмѣсто Понедѣльника 22 Іюня въ Воскресенье 21 Іюня въ 7 ч. веч.

Въ Среду 24 Іюня въ 5 ч. дня.

Вмѣсто Понедѣльника 3 Августа въ Воскресенье 2 Августа въ 7 ч. веч.

Въ Четвергъ 6 Августа въ 7 ч. веч.

одъ „Валаамъ“ заходитъ въ Сортавлахту, для выгрузки адресованныхъ туда грузовъ, назначено по Петроградскому времени.

Тарифъ за провозъ товара:

Сердоболь:

Валаамъ:

5 коп. за пудъ

Сортавлахта и Коневецъ:

6 коп. за пудъ.

8 „ „ „

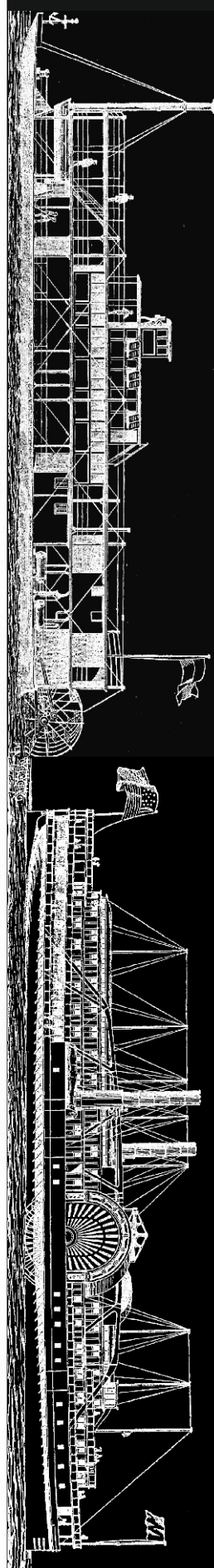
Петроградъ . . . 8 коп. за пудъ.

10 „ „ „

10 „ „ „

въ Валаамскую часовню, что по Калашниковской набережной, домъ № 34, телеф. —къ завѣдывающему монастырскимъ подворьемъ. Телеф. 158.

ажная, у церкви Бориса и Глѣба.

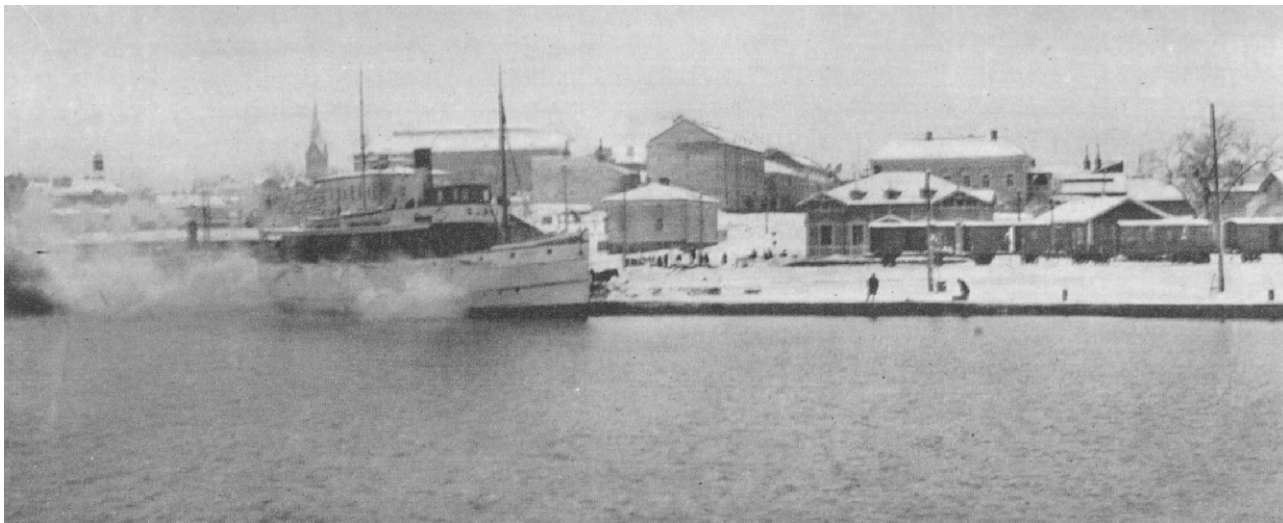

Три капитана на берегу Валаама, на фоне пассажирского судна "Отава".

Городская пристань. Теплоходы ушли в рейс и буксиры встали на их место.

Пристань поздней осенью. Раньше к причалу подходила железнодорожная ветка.

В прошлом, Ладожское озеро, омывая побережья трёх губерний, находясь от Санкт-Петербурга в 60 верстах служило удобнейшим водным путём между ними. Вот что можно прочесть об этом в книге А. П. Андреева "Ладожское озеро", вышедшей в 1875 г. в С-Пб: "От юга на север, пароходно - пассажирский путь постоянно держит пароход "Валамо", принадлежащий Сердобольскому товариществу. Этот пароход тоже прекрасный, морской конструкции, пловцовской системы. Он, каждую пятницу, в 9 часов утра, отходит от пристани у церкви Божий Матери всех скорбящих радости в Петербурге и приходит в Шлиссельбург в 2 часа дня, а через несколько минут отправляется в озеро. Около 10 часов вечера приходит в монастырь Коневец, где и ночует. По утру, в 8 часов, отправляется далее; заходит в Кексгольм, в 4 часа является на Валаам, а оттуда идёт в Сердоболь, куда приходит в 8 часов вечера.

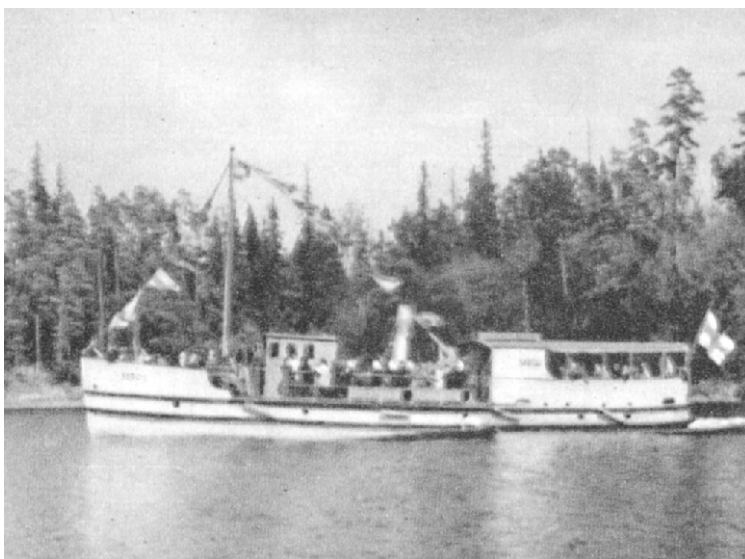
Проночевав в Сердоболе, пароход "Валамо" идёт на другой день в 9 часов утра на Валаам; оттуда в 3 часа после полдня, идёт в Кексгольм, а ночевать приходит около 8 часов вечера тоже в Коневец. На другой день в 8 часов утра с Коневца отправляется в Петербург, куда приходит в 6 часов вечера. По праздникам к монастырям Валаамскому и Коневскому пароход "Валамо", делает экстренные рейсы, но всегда приходит и отходит в те же часы как объяснено выше. С пароходом "Валамо" конкурирует в этом пути пароход "Летучий"; но этот пароход речной и, строго говоря, он, ни в каком случае, по этому пути ходить не должен. Не понимающие плавания по озеру смотрят на это дело легко, а валаамские богомольцы, по незнанию, садятся на него для переправы в северную часть; в особенности, когда администрация парохода "Летучий" сбавит несколько копеек с каждого пассажира при отправлении в монастыри Коневец и Валаам...

Путь пароходный по озеру с юга на север и обратно, происходит всегда днём на том основании, что в продолжении дня, хотя зачастую и бывает на озере сильный ветер, но он преимущественно дует с запада, а курс парохода идёт вблизи самого берега; следовательно волнения на озере не бывает, а

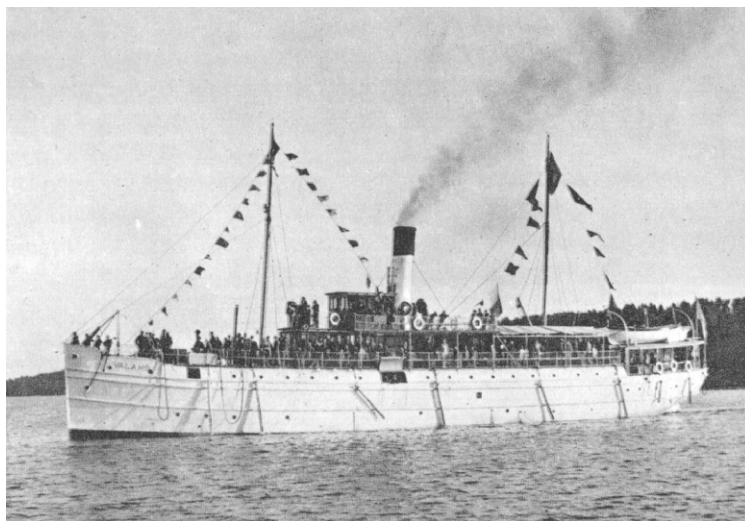
ветер, в таком близком расстоянии от берега не имеет на пароход влияния. По справедливости сказать, путешествие по озеру на Валаам, во всех отношениях приятно, хотя случается иногда, что ветер с восточной стороны разведёт весьма сильное волнение и пароход на громадной глубине раскачает значительно, но это не опасно, в особенности на таком пароходе как "Валамо"..."

Несмотря на бурное развитие в начале 20 века железнодорожного и автомобильного транспорта, Ладожское озеро сохраняло свое положение в качестве важного транспортного пути. Самым главным пассажирским портом был город Сортавала. А самым лучшим портом тогда считался город Лахденпохья. Из обоих портов было регулярное сообщение на Валаам. Важнейшие порты северной части Ладоги в 20–30-х гг. соединялись множеством регулярных маршрутов пассажирских пароходов: Лахденпохья - Куркиеки (пароход "Венус"), Сортавала - Импилахти (пароход "Янислахти"), Сортавала - Питкяранта, Сортавала - Салми и другие.

В 30-е гг. поездка из Сортавала до Валаамского монастыря длилась около 2,5 часов. Большую часть пассажиров составляли паломники, посещавшие святые места. Туристическим обществом в Лахденпохья в то же десятилетие было организовано регулярное сообщение на Валаам, которое обслуживало туристов, приезжавших с юга (район Выборга) и запада (Саво). Расписания пароходов и прибывающих с юга поездов были согласованы. ■

Теплоход "Сергей".

Теплоход "Валаам".

Управляющий портом, капитан Ф. Стенфельд.

Новое судно "Аалокас" только что спущено на воду.

В годы последних, советско - финской и Отечественной войн, Ладога была одним из театров военных действий. В её водах дислоцировались две противоборствующие Ладожские флотилии - финская и советская. Об этом - по материалам из книги З. А. Русакова "Нашим морем была Ладога":

Финское командование у корабля "Аунус"

Финская военная флотилия базировалась в порту Лахденпохья. На острове Ойтто был склад мин (200 русских мин образца 1908 г. и 150 мин типа HIS). В состав флотилии входили 5 канонерских лодок: «Аунус» (Aunus), «Юрье» (Jurje), «Вакава» (Vakava), «Тампере» (Tampere), «Виипури» (Viipuri) водоизмещением от 150 до 350 тонн; ледоколы «Ааллакс» (Aalokas, 350 тонн) и «Кивиниеми» (Kiviniemi, 250 тонн); 6 вооруженных пароходов: «Воима» (Voima), «Отава» (Otava), «Алхо» (Alho), «Сункела» (Sunkela), «Венус» (Venus) и «Сиро» (Siro); минный заградитель М-2, тральщик «Клертер» (Klerter), пять буксиров, одиннадцать моторных катеров и другие суда. На Ладоге находился 3-й артиллерийский полк со штабом в Сортавале под командованием полковника Е. Ярвинена. Полк включал в себя три дивизиона (штабы на островах Коновец и Валаам и в Лахденпохья). Все побережье Ладожского озера делилось на шесть укрепленных районов - Карельский, Куркийоки, Яккими, Сортавала, Валаам и Салми. Общая численность личного состава Морских сил Ладожского озера составляла 5092 человека.

В состав 3-го берегового артиллерийского полка на Ладожском озере входило 35 орудийных позиций, где находились 26 - 152-мм, 6 - 120-мм, 18 - 87-мм, 10 - 75-мм и 16 - 57-мм орудий.

Впоследствии, обнаружив слабость финских морских вооруженных сил, немецкое командование занялось переброской своих кораблей на Ладожское озеро. Костяком создаваемых на озере военно-морских сил

Десантный паром

противника были штурмовые десантные баржи, то есть самоходные вооруженные паромы водоизмещением 144 тонны типа «зигель», названные так по имени их конструктора подполковника Зибеля. Суда эти представляли собой, по существу, катамараны. Они состояли из двух мотопонтонов, соединенных между собой широким помостом, с бронированными надстройками на нем. На помосте устанавливалось вооружение, размещался пост управления кораблем и стрельбой.

Паромы тяжелого типа имели на вооружении по три орудия 88-миллиметрового калибра и по два 20-миллиметровых многоствольных зенитных автомата. На легких десантных баржах стояли два 20-миллиметровых пулемета и одна 37-миллиметровая пушка. Паромы были снабжены двумя бензиновыми двигателями с подводным бесшумным выхлопом, сообщавшим судну скорость 8-10 узлов (16-18 километров в час). Достоинством судов была небольшая осадка (не более 1 метра), позволявшая приближаться к побережью на близкое расстояние, причем по специальной бронированной опускающейся сходне на берег могли сходить не только десантные войска, но и легкие танки.

Паромы обладали большой живучестью, так как состояли из отдельных секций, перевозившихся по железной дороге и автотранспортом. Сборка была сравнительно простым делом и заключалась в скреплении болтами отдельных секций судна. Паромы первоначально предназначались для форсирования пролива Ла-Манш при вторжении в Англию.

Немцы на Ладоге

Финские боевые корабли в Ладожских шхерах

15 июля 1942 года на Ладожское озеро прибыли первые 15 десантных судов. Их перевозили из Таллинна в Хельсинки на пароходе, а затем по железной дороге в Лахденпохью. Суда были сведены в специальный отряд под названием «Флотилия паромов». В отряд входили также десантные баржи специального назначения, в том числе транспортные, санитарные, баржи-мастерские и баржи штаба отряда. Входили в отряд и легкие десантные баржи, катера-тральщики, катера диверсионно-десантных войск.

Личный состав флотилии насчитывал 2400 человек. Для руководства ее действиями немецко-фашистское командование сформировало специальный штаб - «Оперативный штаб Форс-Ост», который возглавлял подполковник Зибель.

Была также сформирована флотилия катеров КМ, в которую входили шесть немецких минных заградителей, финские и итальянские торпедные катера. 19 апреля 1942 года командование немецкого ВМФ в Италии писало главному штабу ВМС Италии: «Руководство войной на море рассматривает Ладожское озеро как весьма подходящий театр военных действий для использования там кораблей типа итальянских катеров МАС».

Финский боевой корабль в заливе Вакколахти.

Муссолини с готовностью откликнулся на предложение своего шефа в войне против Советского Союза, и в состав сил для действий против русских на Ладожском озере был выделен сформированный в итальянском порту Специи 12-й отряд малых торпедных катеров МАС под командой капитана 3-го ранга Бьянкини. Транспортная автоколонна с катерами на специальных платформах, тщательно замаскированная, проделала путь длиной в 3105 километров от порта Специи до гавани Сортанлахти (бухта Владимирская) на Ладожском озере, пройдя по шоссе дорогам через тоннели Бренерского перевала в Альпах, через Берлин до порта Штеттин на Балтике, морем до Хельсинки, Сайменским каналом на буксире, а затем на железнодорожных платформах до Лахденпохьи и по Ладоге до Сортанлахти, куда прибыла 22 июня 1942 года.

Катера были новейшей конструкции, постройки 1939 года, водоизмещением 20 тонн, с моторами мощностью 2000 лошадиных сил, сообщавшими катеру скорость 47 узлов (84 километра в час), вооруженные двумя торпедными аппаратами, одним 20-миллиметровым пулеметом и шестью глубинными противолодочными бомбами и дымоаппаратурой. Катера эти комплектовались опытными, испытанными в боях экипажами.

Финские военные в Ляскеля

Хотя «флотилия паромов» и флотилия КМ подчинялись финскому командиру Ладожской бригады береговой обороны, общее руководство действиями всех военноморских сил на Ладожском озере принадлежало командующему 1-м немецким воздушным флотом генерал-полковнику Келлеру.

Главной базой объединенных сил стал порт Лахденпохья, маневренными базами - Сортанлахти, Кексгольм, Сортавала, Сальми.

В задачу, поставленную перед немецко-финско-итальянской флотилией, входила оборона оккупированных прибрежных районов Ладожского озера и нападение на транспортные суда, следующие по озеру с грузами для Ленинграда. Но первоочередной задачей было уничтожение боевых кораблей советской Ладожской флотилии.

А вот как, к июлю 1941 года выглядела Советская Ладожская военная флотилия:

Два дивизиона канонерских лодок, дивизион тральщиков, два дивизиона катерных тральщиков, отряд транспортов, группа кораблей специального назначения, зенитные батареи, служба связи и другие подразделения управления и обеспечения. В дальнейшем

Сторожевой корабль «Пурга»

состав флотилии был усилен сторожевыми кораблями, бронекатерами, сторожевыми катерами типа МО («морскими охотниками» за подводными лодками), транспортами и даже подводными лодками, а также береговыми формированиями.

Основу боевого ядра флотилии составили канонерские лодки - «линкоры Ладоги», как их иногда в обиходе называли. Это были корабли, переоборудованные из построенных буквально перед самой войной самоходных шаланд водоизмещением 1000 тонн, с двумя паровыми

Верхний ряд
"Десант Ладужской флотилии", худ. И. Родионов;
Военный плакат, худ. С. Бойи и Ю. Непринцев
Нижний ряд
слева "Доставка кораблями Ладужской флотилии продовольствия в Ленинград",
худ. И. Родионов;
справа "Тральщик "Мина", худ. В. Емышев

машинами мощностью по 500 лошадиных сил каждая. Канонерские лодки Ладужской флотилии по своим тактико-техническим данным полностью соответствовали классу кораблей, приспособленных для ведения боевых действий в прибрежных районах. Вооруженные артиллерией калибра от 76 до 100 миллиметров, а позднее до 130 миллиметров, они успешно выполняли боевые задачи. Канонерские лодки могли стрелять по береговым целям не только стоя на якоре, но и на ходу.

Кроме артиллерийской поддержки прибрежных флангов сухопутных войск, участия в десантных и противодесантных операциях канлодки использовались, для перевозки продовольствия и других грузов для Ленинграда, войсковых подразделений и эвакуированных ленинградцев.

В состав главных сил флотилии входили также два быстроходных, хорошо вооруженных боевых корабля: сторожевой корабль предвоенной постройки «Пурга» и «Конструктор», в прошлом миноносец дореволюционного флота.

Дивизион тральщиков состоял из 14 единиц - в основном мобилизованных судов гражданского флота. На них были установлены одна или две 45-миллиметровые пушки, и они стали боевыми кораблями флотилии.

Особую роль играли сторожевые корабли МО. В соединении катеров МО вошли катера Ладужского отряда пограничной охраны, а также присланные с Балтики.

Быстроходные, маневренные, хорошо вооруженные, они подобно лихой кавалерии времен гражданской войны были незаменимы в самых непредсказуемых обстоятельствах.

В прибрежных операциях участвовали малые катера типа КМ из числа катеров военно-морских учебных заведений. Легкий корпус и малая осадка позволяли использовать их при высадке десантов, для несения дозоров, разведки и связи в прибрежных шхерных районах.

Большая роль в боевой деятельности флотилии принадлежала отряду транспортов. Состав его был довольно пестрый. В отряд входили пассажирские суда Северо-западного речного пароходства - такие, как «Совет», «Кремль», «Чапаев», до войны мирно курсировавшие на линиях Ленинград - Ораниенбаум, Ленинград - Петергоф, Ленинград - Кронштадт. Были и морские грузовые и грузопассажирские суда каботажного плавания, поступившие из прибалтийских морских пароходств Эстонии и Латвии.

Корабли Ладужской флотилии по своим тактико-техническим данным, особенно после довооружения, оказались на достаточном уровне для противоборства на озере с военно-морскими силами противника, состоявшими из боевых кораблей самой современной конструкции.

К концу июля 1941 года в особо тяжелом положении оказалась 168-я стрелковая дивизия, отрезанная от основных сил 7-й армии на своем правом и от 23-й армии - на левом фланге. Командовал дивизией полковник А. Л. Бондарев.

Ведя с начала июля непрерывные бои с превосходящими силами противника, части дивизии понесли большие потери. Раненых еле успевали эвакуировать через Ладужское озеро. Не хватало боеприпасов и продовольствия.

С 24 июля обеспечение боевых действий 168-й дивизии

на Сортавальском направлении осуществлял Северный отряд кораблей флотилии. Задача отряда состояла в том, чтобы поддерживать связь между частями дивизии и кораблями флотилии, прикрывать отход наших пехотных частей и не давать противнику возможности захватить отдельные острова в нашем тылу.

Командовал Северным отрядом капитан-лейтенант Я. Т. Салагин. Ранее он участвовал в действиях Ладужской флотилии во время советско-финляндской войны 1939/40 года и был награжден орденом Красного Знамени. В состав Северного отряда, сформированного в конце июля 1941 года, входили два тральщика - ТЩ-100 и УК-4, бронекатер БК-97, пять катеров типа КМ, шхуны «Учеба» и «Практика», один развездной катер ЗИС.

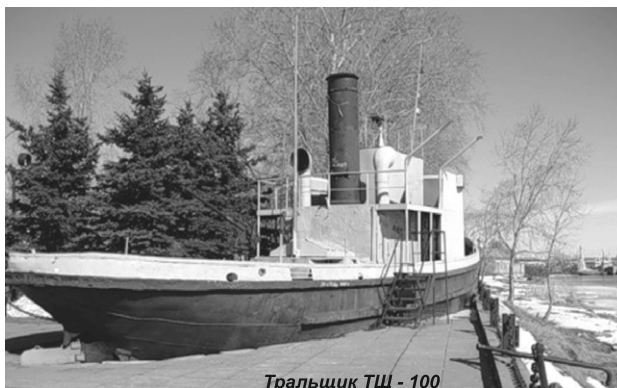
Местом базирования отряда избрали остров Валаам. Военкомом отряда был назначен старший политрук В. Ф. Брушковский, начальником штаба и штурманом - старший лейтенант Л. Попиней, начальником связи - лейтенант Я. А. Бергер.

24 июля отряд вышел в озеро. С этого дня началась его боевая деятельность. Прибыв в район Сортавальских шхер, корабли отряда приступили к несению дозорной службы с целью не дать противнику перебросить свои войска, артиллерию, минометы на прибрежные острова. Заняв эти острова, расположенные перед береговым плацдармом наших войск, противник мог бы контролировать все пути подхода кораблей Ладужской флотилии.

Корабли отряда должны были обеспечивать регулярную доставку войскам боеприпасов, продовольствия, а также эвакуацию гражданского населения из районов Лахденпохья - Сортавала.

Из истории морских войн известно, что морскими державами для военных целей нередко используются суда гражданского (транспортного, технического и рыбопромыслового) флота и что эти суда под военным флагом зачастую выходили победителями в схватках с боевыми, более мощными кораблями. Стоит вспомнить сражения на Черном, Азовском, Каспийском и Северном морях в первую мировую и гражданскую войны. Так было на всех морях и во второй мировой войне.

Не случайно зарубежные историки, анализируя операции на море в восточноевропейских водах, отмечают, что «русские умело организовывали флотилии, используя не только речные гражданские суда, но и специальные», «... на таком важном в стратегическом отношении Ладужском озере... русским удалось закрепиться».

О проблемах, связанных с питьевой водой в Сортавала, рассказывают две заметки, подготовленные инженером Петром Георгиевичем Войцеховским.

I. Из записок обывателя

«Вороне, как-то Бог послал кусочек сыру...»

И.А.Крылов

Где-то в конце прошлого века, наш маленький городок осчастливили силы небесные своим вниманием и выделили ему некую сумму денег, для улучшения дела водоснабжения. Эти неведомые меценаты сочли немыслимым то, что городок, расположенный на берегу одного из самых красивых и полноводных озёр Европы, пьёт воду сомнительного качества. И хотя жители нашего городка никогда не жаловались, но силы небесные сочли необходимым вмешаться в нашу патриархальную жизнь и улучшить её.

И вот, чтобы получить этот неслыханный дар небес, решили отцы города собрать комиссию для выбора места, где можно расположить новое сооружение, под названием «Водозабор». Дело было зимой. В ту зиму природа пожаловала нашему городку большие снегопады и морозы и, прибрежная полоса нашего озера, была покрыта глубоким снегом. Поэтому комиссия начала свою работу в теплом помещении главной водопроводной организация города.

Глава этой организации принял всех очень радушно, угостил кофе с печеньем и предложил высказаться о месте, где можно построить это замечательное сооружение. В процессе высказываний было установлено, что воду следует брать со значительной глубины, а именно - с двадцати метров, что рядом не должно быть никаких загрязнителей акватории, что сооружение должно производить очистку воды по европейским стандартам и прочее, прочее, прочее. К сожалению, у бывших здесь проектировщиков не оказалось с собой картографических материалов и разрезов с глубинами и профилем дна озера по створу водозабора, а также данных о существующих загрязнителях по обе стороны выбранного створа, но поскольку собрались здесь люди порядочные и интеллигентные - все эти вопросы были приняты на веру, и все стали подписывать протокол. Лишь один человек желчный, сварливый и недоверчивый, да еще оказавшийся здесь совершенно случайно, все бубнил: «Покажите, да покажите мне эти чертежи!» Как будто не было и так все ясно! И этот желчный и недоверчивый человек не подписал протокол. Ну и чёрт с ним!

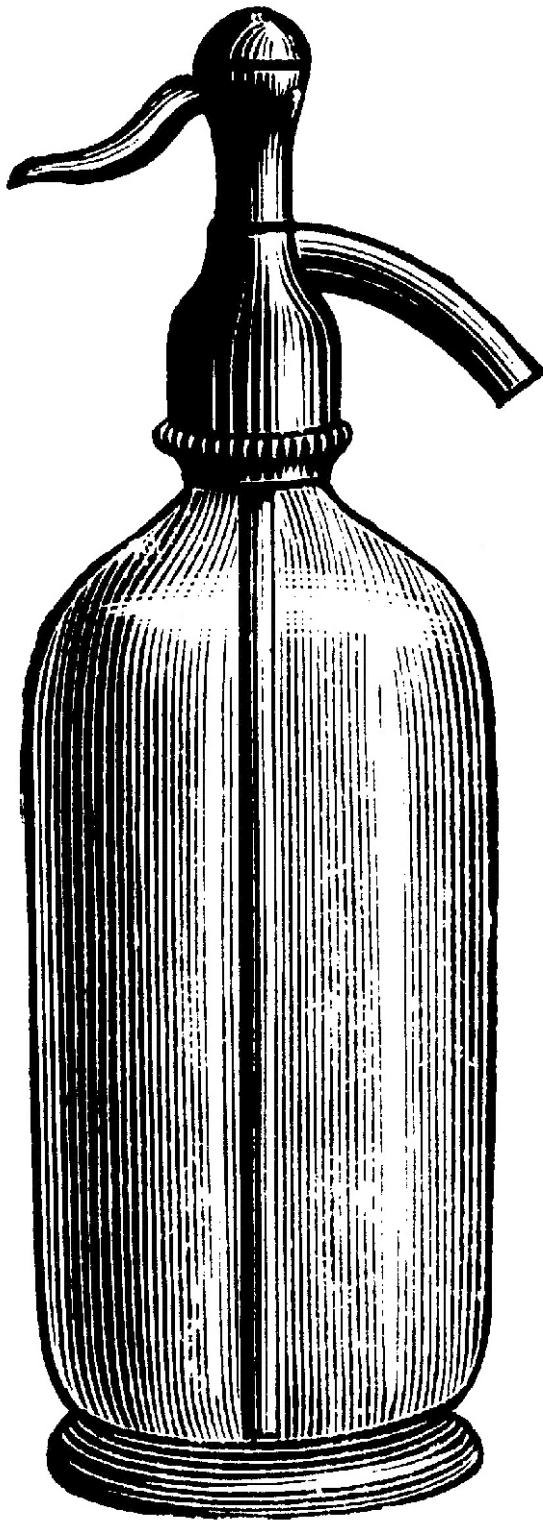
А то, что произошло потом - обычное дело. Деньги были потрачены - и дело с концом. И не только у нас случались подобные казусы. Финский писатель Марти Ларни описывает подобный случай так: «Как то один недоверчивый финн принес водопроводную воду на анализ, а ему выдали заключение: «Ваша лошадь больна диабетом».

И вот уже много лет наш маленький городок, расположенный на одном из самых красивых и полноводных озёр в Европе, пьёт воду странного цвета и... имеет самое большое в Европе, среди маленьких городков, кладбище.

II. Рассуждения о воде.

Природа Карелии, её подземные и поверхностные воды, водотоки и озёра — это хрупкий, уязвимый мир, требующий большого внимания. Особенное место в этом мире занимают леса и болота, как естественные аккумуляторы и фильтры текущих вод. Любая деятельность, затрагивающая эту сферу, должна быть подчинена охране и разумному использованию этих природных фильтров.

Ныне территория вокруг Сортавала бессистемно застраивается. Запрещённые ранее зоны возле уреза воды, водотоков и озёр, огораживаются заборами собственников, и контроль за данными участками не ведётся. А ведь из этих озёр текут ручьи в Ладогу. Да и подземные водоносные горизонты, повсеместно загрязняющиеся силосными траншеями, свалками и туалетами, имеют

Сифонъ

приборъ съ краномъ для сохраненія шипучихъ водъ. Жидкость находится подъ высокимъ давленіемъ углекислаго газа и при нажатіи крана выгоняется силою этого давленія наружу чрезъ трубку.

прямой или косвенный выход в самое большое озеро в Европе. Загрязняют Ладогу и суда, сбрасывающие в неё отходы, и прибрежные предприятия. А ведь это - уникальный мир, хранилище чистой воды. Когда-то парусные суда, отправляясь в многолетние кругосветные плавания, запасали ладожскую воду в цистернах, и она не портилась годами. Вода, подобно живому существу, имеет память, для её охраны необходима некая незыблемая система.

Вот меры, которые необходимо принять для разумного использования, охраны питьевой воды и территории, прилегающей к водозаборам:

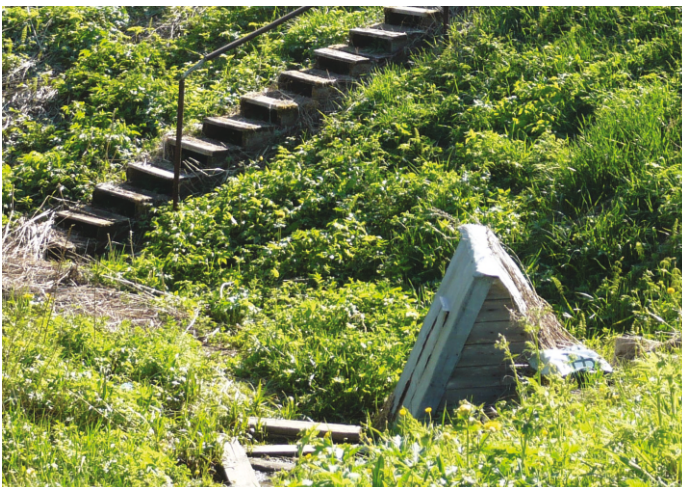
1. Прежде чем раздавать участки под застройку и сооружения, необходима гидрогеологическая съёмка горизонтов грунтовых и подземных вод, а также создание карты и каталога их запасов, глубин залегания, дебета и сроков возобновления.
2. Отводя участки на основании вышеизложенного, надо ставить владельцу условия охраны подземных и поверхностных вод, колодцев и ключей. Помимо этого - ограничение по глубине всех сооружений и обязательная очистка стоков.
3. Сточные воды с участков, задевающие водоносные горизонты, подлежат очистке природными фильтрами.
4. Желательно обратиться в Финляндию за помощью в получении из архивов информации по гидрогеологии района.
5. Как можно скорее необходимо провести независимое обследование всех водозаборов из открытых водоёмов в разное время года, при высоких и низких горизонтах воды, и провести все необходимые мероприятия.
6. Необходимо взять на учёт все неконтролируемые стоки в Ладогу и водотоки, питающие её, и произвести мероприятия по их очистке.
7. Выделяя собственнику участок необходимо в акте выбора участка указать все особенности гидрогеологической обстановки и правила эксплуатации участка.
8. При городской администрации создать профессиональную гидрогеологическую группу для обследования участков застройки, выработки правил их использования и слежения за дебетом, химическим и бактериологическим составом воды из скважин и колодцев. Возглавлять такую группу должен профессиональный геофизик и гидрогеолог.
9. Произвести квалифицированную, независимую экспертизу всех водозаборов и водопроводящих коммуникаций, составить перечень работ по снабжению города чистой водой и определить их очередность и стоимость.
10. И последнее – хочется сказать о том, что сейчас многие, заказывающие бурение скважин на своих участках, не обладают информацией о правилах ведения подобных работ. Качество воды из этих скважин должно быть указано в паспорте, подтверждённом СЭС, с химическим и бактериологическим анализом. Как правило, подрядчик не проводит таких анализов, а также предварительных прогнозов по данным геофизики о залегании водоносных горизонтов. Стоимость работ определяется метражом, поэтому подрядчик заинтересован в глубине бурения. Отсутствие прогноза, пробных скважин и аналогов делает бурение слишком дорогим, при этом, получая воду непригодную для питья по химическому составу.

В настоящий момент в Сортавальском районе достаточно скважин, не имеющих паспортов или с отрицательным химсоставом воды (Гидрогородок, Совхозное шоссе и другие). Чтобы оценить тревожность существующего положения с питьевой водой, её качеством и бесперебойным поступлением к потребителю Людмила Ивановна Тервонен обратилась в СЭС к главе отдела Федеральной службы по защите прав потребителей Марине Владимировне Туруевой, с вопросом: «Почему сортавальцы вынуждены пить мутную, жёлтую и сильно пахнущую воду?» (подробнее об этом читайте в новой книге Л.И.Тервонен «Чистые воды»):

«В городе нет водоочистных сооружений, водозабор идёт из залива Ладожского озера, вблизи устья р.Тохмы. Залив мелкий, и в период сильных ветров изменяется качество воды по показателям цветности, мутности, содержания железа и перманганатной окисляемости. Поскольку нет водоочистки, то вся муть поступает в водопроводную сеть. Микробиологические показатели удерживаются за счёт жёстких режимов хлорирования (что опасно для здоровья). Понятно, что при нарушении этого режима, могут быть вспышки желудочно-кишечных заболеваний. Хочу добавить, что р.Тохма - главный загрязнитель залива, где установлен водозабор. В период спада воды (колебания уровня воды в Ладожском озере до 2х метров) оголовки водозабора находятся очень близко от поверхности. Это является высоким фактором риска для здоровья, поскольку залив сильно загрязнён гумусом (перегной, органическое вещество почвы), а цветение водорослей здесь - обычный процесс. При обильном цветении сине-зелёных водорослей могут образовываться цианотоксины, вредные для печени и центральной нервной системы.

Меня беспокоят малые водозаборы в посёлках Сортавальского района, большинство из которых в качестве источников водоснабжения используют воду заливов Ладожского озера, внутренних озёр и малых рек. Основное оборудование и сети изношены, а средств для капитального ремонта предприятия не имеют. Но и при сильном хлорировании вода становится очень опасной для здоровья, так как происходит взаимодействие хлора с гумусом, и в результате образуются мутагенные компоненты, способствующие возникновению онкологических заболеваний.

Построенная по проекту «Тасис» водоочистная станция «Хельмиярви» способна давать воду, соответствующую российским и европейским стандартам качества, при условии неукоснительного соблюдения проектно-технической очистки. Но, даже самая чистая вода, проходя по изношенным водопроводам, может загрязняться. Госнадзор за качеством питьевой воды осуществляется постоянно, с еженедельным отбором проб. Если по микробиологическим показателям пробы из водопроводов стабильные и только на 8% не соответствуют нормативам, то по физико-химическим показателям (мутности, цветности, общему железу, перманганатной окисляемости) не соответствие на 100%. Очень высокая цветность в системах водоснабжения посёлков Рускеала, Кааламо, Заозёрный, Вяртсиля. В настоящее время обеззараживание воды с жидкого хлора заменено на гипохлорит натрия, как на более экологически чистый и более дешёвый метод».

Многие сортавальцы предпочитают брать питьевую воду из источников в окрестностях города.

Александр Грацианов

Много ли на свете людей соединяющих в себе два абсолютно разных начала? Мы задались этим вопросом и выяснили, что в действительности их очень и очень мало. Интервью с одним из таких разносторонних людей - Александром Николаевичем Грациановым - композитором, музыкантом, певчим хора Никольской церкви и в тоже время адвокатом Сортавальского филиала Первой коллегии адвокатов Республики Карелия мы представляем нашему читателю.

Светлана Махохей: Александр Николаевич, расскажите, пожалуйста, откуда вы родом?

Александр Николаевич: Родился я 16 ноября 1945 года в г. Горький (ранее и ныне Нижний Новгород). Родители мои были, что называется, из служащих. Поскольку я родился в 1945 году (Год Победы), это даёт мне право подробнее остановиться на этом. Мой будущий папа был призван в армию из г. Горького, а моя мама добровольцем пошла на фронт из Урала (г. Кудымкар Пермской области). Они вместе служили в штабе ВВС (военно-воздушные силы) Краснознамённого Балтийского флота, где и познакомились, а в 1944 году зарегистрировали брак в Выборгском ЗАГСе г. Ленинграда. В июне 1945 (после Победы) мою маму демобилизовали по беременности (это был я), и она поехала в г. Горький к родственникам папы. Папа служил в Советской Армии до 1947 года. Я родился в голодный год, поэтому мой дедушка (отец мамы) приехал за нами в Горький и увёз на Урал, в деревню, где были дом с козой и огородом.

С.М.: У вас всё очень интересно начиналось. Голодный год, затем коза с огородом. Какое в связи с этим самое яркое воспоминание из детства?

А.Н.: Моё самое яркое воспоминание детства – это вкус мёда.

С.М.: Как получилось, что вы стали музыкантом? Это судьба или случай?

А.Н.: Когда я учился в 4 классе, у нас в Кудымкаре открыли музыкальную школу, в которую я поступил на класс фортепиано. Наверное, с этого времени у меня началось «раздвоение личности», так как я одновременно хотел стать пианистом, композитором, лётчиком и космонавтом. О том, что буду юристом - у меня даже мысли не было.

С.М.: Александр Николаевич, когда вы написали первую песню? Если не секрет – поведайте нам кому она была посвящена.

А.Н.: Первую песню я написал, когда учился в 5 классе. Посвятил её своей первой учительнице - Анне Матвеевне Кожевниковой. Слова нашёл в газете «Пионерская правда». Потом показал песню учителю сольфеджио, и он предложил исполнить её на городском конкурсе, вместе со взрослым хором.

С.М.: А чем вызвано посвящение именно этой учительнице? Первая любовь или хотели пятёрку побольше получать?

А.Н.: Нет, не первая любовь. Анна Матвеевна была уже в возрасте. Я много в детстве болел и помню такие моменты, что даже с кровати встать сил не было, а учительница приходила и занималась со мной. Иногда пирожки приносила... Очень сердечная была женщина.

г. Царицын (бабушка и дедушка) она - Мария Александровна - ослепрививательница, он - Константин Еремеевич Шеекуненко - фельдшер

Бабушка и дедушка, Ольга Михайловна и Александр Николаевич, 1909г., Нижний Новгород, оба - учителя женской гимназии, впоследствии А. Н. - священник

С.М.: Расскажите, как она отреагировала на то, что вы ей песню посвятили?

А.Н.: А она и не узнала об этом, я стеснялся и ей не сказал.

С.М.: Александр Николаевич, как складывалась ваша жизнь после школы? Вы сразу выбрали направление для будущей деятельности?

А.Н.: Хочется сказать о своём прошлом в третьем лице: «Юноша, которым я был», потому что сейчас мне не верится, что это был я... В 1963 году я одновременно закончил обе школы - общеобразовательную и музыкальную, и, к сожалению, из-за раздвоения личности не мог выбрать, куда пойти учиться дальше, хотя преобладало желание поступить в Пермское музыкальное училище. Чтобы обдумать эти вопросы и отдохнуть от 10 лет учёбы я устроился работать учеником фрезеровщика на ремонтно-механический завод, так как наличие трудового стажа в моё время давало преимущества при поступлении на учёбу.

Однако в 1964 году меня призвали на срочную службу в Ракетные Войска стратегического назначения, где я прослужил три года. Во время службы я продолжал заниматься музыкой, так как в войсковой части 54106 была хорошая самодеятельность - она поощрялась замполитом части.

После демобилизации в 1967 возник вопрос: «Как жить дальше?». Совершенно случайно по объявлению по радио я устроился на работу пианистом в эстрадный оркестр Дворца культуры им. Ленина г.Перми. И поступил учиться в Пермское музыкальное училище.

С.М.: Мечта сбылась. А как вы попали в группу? Расскажите о гастрольно-концертной деятельности.

А.Н.: В университете увидел объявление, о том, что ансамблю «Тон-тон» требуется, как тогда называли, органист, теперь это - клавишник. Я пришёл к ним в общежитскую комнату, в которой жили 5 человек и при этом размещались самодельная репетиционная студия и такие же гитары и колонки. Лидер ансамбля Вадим Галактионов попросил сыграть что-нибудь на электрооргане. Я привык к пианино и не рассчитывал, что звук окажется таким необыкновенным, совершенно другая техника звукоизвлечения, но, несмотря на это, меня взяли.

С.М.: Вы продолжали писать песни, играя в «Тон-тоне»?

А.Н.: Да, тогда в группах было модно писать свои песни. Основное внимание надо было уделять русскому народному творчеству, поэтому мы начинали в основном с обработок. К тому времени эстрадный оркестр уже был

С. В. Тушнова *Блюз* Муз. А. Грачианов

Аккорды к композиции "Блюз": слова В. Тушновой, музыка А.Грачианова

утверждён, а электрогитары и электроорганы не запрещали, но и не очень-то разрешали. Для того чтобы выступать мы исполняли несколько песен «про войну» и обработанные народные, например, «На горе то калина...». Хотелось, что-то показать и из зарубежной эстрады, но песни должны были исполняться только на русском языке. Помню, что мы брали иностранную музыку, переписывали слова и указывали авторство какого-нибудь советского композитора, чтобы нам утвердили гастрольный репертуар. Однажды наша солистка Люба Коршунова исполняла переделанную версию «Shocking blue», слова там были примерно такие: «Вернулась я, мама, домой из путешествия». На одной из репетиций худрук встаёт и говорит: «Кто слова писал? Вы поёте про девушку, она комсомолка? Так откуда же она могла вернуться? Из какого путешествия? Уберите эти слова, их не должно быть в советской песне».

С.М.: Надо же, рок-музыкантам и сейчас нелегко пробиваться, а в ваше время и подавно. Как же вы смогли выстоять среди строгой цензуры?

А.Н.: Было трудно, но...весело. Поскольку мы работали во Дворце Культуры - имели доступ ко всем гастроллирующим артистам, были знакомы с: «Поющими гитарами», «Весёлыми ребятами», «Добрыми молодцами», Валерием Ободзинским, другими популярными тогда коллективами и артистами. В 1972 году мы принимали участие в популярном тогда всесоюзном конкурсе конкурсе «Алло, мы ищем таланты», председателем жюри которого был известный композитор М.Таривердиев, а вёл его на телевидении и сейчас известный Александр Масляков. Выиграли в Кургане, победили в Свердловске и должны были ехать дальше - в Москву, но Таривердиев не дал нам зелёного света. Объясню

почему: тогда музыкальных магазинов было очень мало, мы с ребятами скидывались и отправляли кого-нибудь одного в Москву, за инструментами. А однажды повезло - приобрели у «Весёлых ребят» за немалые деньги - 200 руб. (моя месячная зарплата, как музыканта при Дворце Культуры, составляла 100 рублей) специальную педаль для обработки звука - «квакушку», и использовали её в некоторых наших обработках. М.Таривердиеву звучание этой педали показалось слишком западным, то есть разлагающим, и он нас в Москву не допустил, так как мы не выполнили его требования и не отказались от применения педали.

С.М.: Вот так и рубили на корню молодые дарования. Как знать, если бы всё сложилось по-другому, может быть сейчас о «Тон-тоне» знала вся страна. Александр Николаевич, а кто для вас являлся примером для подражания?

А.Н.: Кстати, в Интернете есть такой сайт «Тон-тон», где можно подробнее узнать о нашем ансамбле... В те времена (шестидесятые-семидесятые годы прошлого века) образцом для творчества молодых музыкантов были «The Beatles», «Led Zeppelin», «Deep purple».

В «Тон-тоне» были такие же молодые и увлечённые Битлами парни, как и я. Может быть, благодаря коллективному творчеству в группе во мне возникла «тяга» писать песни в стиле баллады, романса. Эта «тяга» сильнее меня, она преследует меня всю жизнь.

С.М.: Александр Николаевич, какое участие Вы принимаете в музыкальной жизни нашего города? Я знаю, что у вас недавно вышел аудиодиск «Посвящение», расскажите об этом подробнее.

А.Н.: Вот уже два года я имею честь быть певчим хора нашего Храма. Хор под регентством о.Антония занимал

ведущие места на фестивалях православной музыки в Польше, в Петрозаводске... Приходите послушать. Что касается аудиодиска, то действительно, я вместе со своими сыновьями Николаем и Антоном записал мои романсы на слова поэтов «серебряного» века. Это уже второй мой диск. Ранее (в 1998 году) был записан вместе с моим другом Сергеем Комиссаровым «Сортавальский альбом» на стихи Людмилы Грациановой. Иногда мои романсы поют преподаватели музыкальной школы Татьяна Бусарова, Валентина Гельберт. Сам я выступаю перед публикой очень редко.

С.М.: Как же вышло, что человек со столь сильной тягой к музыке всё-таки работает юристом?

А.Н.: В силу разных семейно-жизненных обстоятельств, связанных с необходимостью зарабатывать (рождение сына, переезд из Перми в Курган) я неожиданно для себя бросил музыкальное училище и поступил в Свердловский юридический институт, который окончил в 1976 году.

С.М.: Перипетии судьбы. И с тех пор вы работаете юристом, занимаясь музыкой не профессионально?

А.Н.: Да, я в 1980 году я по таким же семейно-жизненным обстоятельствам приехал из Кургана в Сортавала, город, который покорила меня и который я считаю своей второй родиной. Первоначально я устроился юристом в «Сельхозтехнику». Во время одного из судов познакомился с тогдашним прокурором города, ныне покойным Борисом Фроловичем Петровым, незаурядным человеком, сыгравшим значительную роль в моей судьбе. Через некоторое время он мне позвонил: «Вы до какого часу работаете? Зайдите ко мне после работы». Помню я покрылся холодным потом и стал думать что натворил. Может алименты не заплатил? Да нет, вроде бы всё с этим в порядке. По дороге в прокуратуру перебрал все возможные варианты, но так ничего конкретного и не придумал. Захожу, из-за двери выходит Борис Фролович: «Здравствуйте, проходите, - обращаясь к секретарю - Сделайте нам чайку». У меня сразу отлегло, судить не будут. Прокурор: «Слышал, как вы выступали у нас в суде... Не желаете перейти на работу в прокуратуру?». От неожиданности я попросил время подумать, а он мне следующий вопрос задаёт: «Вы где живёте?». Я: «У тёщи». Борис Фролович: «Ну и как вам с тёщей, комфортно?». А мне тёща частенько вопрос задавала: «Саша, а когда ты выпишешься?». Ответил, разумеется, что не очень комфортно. Прокурор: «Так вот если к

нам устроишься - через год квартиру получишь». И он своё слово сдержал, мы действительно получили отдельную квартиру.

С.М.: Александр Николаевич, наверняка в вашей практике были казусные случаи, расскажите о них, пожалуйста.

А.Н.: Всякое бывало... Помню, прокуратура возбудила уголовное дело за взятку в отношении одного из руководителей СМЛК, который производил дефицитные мебель, лыжи, клюшки. За содействие в поставке дефицитной продукции он получил в подарок от заказчика цветной телевизор и меховую шапку (тоже дефицит в те времена). Приходит по повестке этот руководитель в прокуратуру со словами: «Ну, кто тут следователь-то у вас?», ставит на стол две бутылки водки: «Давай выпьем, и выкинь ты всё это!». Только угроза вызвать конвой заставила этого человека вести себя приличней... Но в дальнейшем дело у нас забрали в прокуратуру КАССР, где и благополучно прекратили, так как руководитель был ценным «кадром».

С.М.: Весёлые времена были, когда цветной телевизор за большую роскошь считали. И всё-таки, Александр Николаевич, адвокат - это ваша профессия?

А.Н.: Сейчас - да. После прокуратуры я работал в органах местного самоуправления, а в адвокаты ушёл потому, что в юридической системе нашего государства, это, пожалуй, самая творческая профессия, а я - творческий человек по призванию.

Хотя в последние годы централизации, так сказать, исполнительной власти, от адвоката мало, что зависит при конкретных судебных разбирательствах, в который стороной являются государственные или муниципальные организации. В обстановке бесконечных и бесполезных реформ в нашей стране мало что осталось от правосудия в истинном смысле этого слова. Об этом даже Президент во всеуслышание заявляет. Даже если именно государство нарушает закон, суды всё равно принимают решение в его пользу. А ведь обижают в основном социально не защищённых граждан. Вот раньше, например, медики, учителя ехали на село, потому, что им жильё бесплатное давали, а сейчас - пересчитали всё, и выяснилось, что у них огромные долги по оплате этого жилья. Я практически ушёл из уголовных дел, потому что адвокат сейчас в них ничего не значит. Он в машине российского правосудия не винтик, а палка в колесо.

С.М.: Александр Николаевич, но сейчас же, на многих телеканалах судебные процессы показывают, для чего?

А.Н.: По-моему, для имитации, создания образа справедливого судебного разбирательства. А разве всё, что показывают на нашем ТВ не имитация хорошей жизни?

С.М.: Александр Николаевич, чтобы вы хотели пожелать нашим читателям и жителям Сортавала?

А.Н.: Реализацию духовного начала я лично вижу в стремлении к творчеству, которое неотделимо от истории человеческой культуры. Знаменитый Людвиг ван Бетховен свидетельствовал, что в моменты музыкальных озарений «Сам Бог говорил над его ухом». Поэтому городу и его жителям я хочу пожелать Веры, Надежды, Любви!

*Работники прокуратуры, 1983г., г. Сортавала.
(слева на право): Грацианов А.Н., Деготь Е.А., Кибизов С.А., Союнен П.А.*

Наталья Ахонен

Ахонен Наталья Викторовна, родилась в 1964 году в городе Зеленогорске, Ленинградской области. В трехлетнем возрасте переехала с родителями в Карелию, в городок Питкяранта. Еще в школьные годы начала писать стихи, а потом и рассказы. Больше всего любит своих дочерей, карельскую природу, лирику и добротный юмор.

Сейчас работает корреспондентом в Питкярантской районной газете «Новая Ладога».

Чешуйки серебристого сига

«На сегодня хватит, пожалуй», кряхтя, попробовал распрямить занемевшую спину Ниило. Отложил в сторону только что оконченную работу — плетеную корзину и вышел из-под навеса. Там возле низенькой скамейки возвышался маленький курган из разнокалиберных корзин, без которых не обходится ни одно хозяйство в карельской деревеньке. Каждая светилась нежным золотом, и горка из корзин казалась живым теплокровным существом. Потирая ноющую поясницу, Ниило заспешил к открытому в доме окошку, поблизости от которого он и устроил себе рабочее место. «Что-то старухи моей давно не слышать», — взволновалось и тревожно забухало вдруг сердце, — как бы она не того... упаси, Господь»

— Айно Айхоша — позвал дед осипшим враз голосом и, задрав седую голову, стал вслушиваться в тишину избы, — старуха моя, да ты жива ли?

— Ну, чего голосишь, старый? Покою нет от тебя, разбудил, — ворчливый голос, донесшийся из нутра избы, успокоил Ниило. Через миг он зазвучал уже с просящими нотками:

— Клюквы мне потолок, кисленького хочется...

— Сейчас, бабуля, я тебе и клюковки и... лимону с чаем — полетел к крыльцу дед на всей скорости, которую позволяли ему развить щелкающие в суставах ноги.

Они с Айхошей разменяли уж седьмой десяток. За плечами целые эпохи — советско-финляндская и отечественная войны в обрывках детских воспоминаний, послевоенная разруха, голод, бесконечные дни, месяцы, десятилетия, заполненные тяжелым трудом. Только выбирались из одних передраг, как родная страна, любительница кризисов, забрасывала в другие. Эх, Россия-матушка. Не про тебя ли поется: «Беспокойная я, успокой ты меня». Только покой тебе не нужен, ищешь приключений...

Сбросив башмаки под лавку на просторной веранде, Ниило привычно огляделся и в сотый раз похвалил себя за то, что нашел-таки в себе силы отремонтировать хату. Не слушая протестов жены, которой жаль было расставаться с накоплениями, не надеясь на помощь детей, которые наезжали в каникулы и радостно ссыпали из

автомобилей одуревших от мобильников и компьютеров внуков. И уж совершенно не считая нужным рассматривать заявки от местных алкашей-умельцев. Истинная причина их рвения была пожелавшему отремонтироваться Ниило доподлинно известна. Может, когда-то их руки и слыли золотыми, да срок действия былой славы давно истек. Ошибается тот, кто говорит, что мастерства не пропьешь. Пропить можно все, даже жизнь. Нужен крепкий стержень, чтоб держаться, да немногие успевали ухватиться за него. А большинство и не давало себе труда — ах, опять какие-то трудности? Ну и чего дергаться, легче глаза залить и плыть по течению. Ниило это дело не уважал. То есть, ежели случалось в деревне или в семье торжество, от стопочки, конечно, не отказывался. Но меру свою знал четко. Как только ударит в голову жар, да начнет строгое лицо его Айно стремительно молодеть, так, значит, стопку горлом вниз и баста! Незаметно прикрывая ухо, кивал он в такт пронзительным песням карельских старух. Напешься, лучше не будет, только позору не оберешься. Да рассолом дня два отпиваться будешь, желая легкой смерти, а вот работа встанет. Не жаловал Ниило таких работников, что с первых дней кланчили аванс, а потом исчезали. Потому и решился сам дом обновлять. Неторопко, с ранней весны начал и до самой осени возился. Зато теперь изба в терем превратилась, приятно посмотреть. И свои деревенские, забегают вроде по делам, а сами головами крутят. И приезжие, особенно туристы, сразу внимание на их домик обращают: первый он сразу за железнодорожным полотном и стоит. Смотрит на мир новыми крепкими окнами. Категорически отказался Ниило от советов осквернить избу новомодным пластиком. Своими руками отстругал каждую раму, словно картину, вставлял в нее стекло. Картины и вышли, если из избы глядеть. А со стороны улицы — дом с чистыми глазами.

В комнатах мало, что сам менял, тут как раз невестки с дочерью расстарались: поклеили, побелили, покрасили. Против заграничных обоев Ниило не возражал. Раскатали бабы перед ним рулон — лишь ахнул про себя — красиво. А те, стараясь особо придирчивому критику не перечить, шестым чувством уловили, как ему угодить.

Для залы, как сами старики называли горницу в три окна, что-то не броское, но такое подходящее выбрали, с золотыми ободками по благородным зеленым полосам, что, усевшись в любимое кресло новости, посмотреть, ощущал Ниило некую торжественность. В спальне, по настоянию жены, любившей цветы, на стенах распустились целые сады, но опять же, без излишеств – не пестрило в глазах. А уж в той комнатухе, где теперь хозяин дома почивал, и вовсе спартанская обстановка была: узкий лежак, стул, да шкаф со времен... и уж сам не помнил, каких. Воспользовавшись отсутствием Ниило, когда ушел тот в Ладогу, прихватив любимого пса Дика, родня, приготовила ему сюрприз.

Поздним вечером вернулся рыбак. Пока растянул на просушку сети, пока выпил горячего крепкого чая, уж не чуял, как до постели добрался. Так и рухнул, не зажигая света, лишь порты уличные сбросив. А утром проснулся, глаза открыл, да так и застыл, не в силах подняться. Стены – такие же, как волны Ладоги в погожий день, но немного, словно дымкой подернуты, и потому не режет глаз ультрамарином. И пол какой-то золотой, непривычно ровный. Невестка объяснила потом – ламинат называется. И картины напротив постели висят в белых строгих рамках.

На одной – знакомое до последней коряги побережье, полоса ночного горизонта и лодка рыбацкая, как люлька на волнах. И лодка, и фигурка в ней, что распахнула руки с рыбацкой сетью, будто не серебристого сига, а саму луну поймать решила, показались Ниило тоже не чужими. Батюшки, светлы, ну конечно, вон и остроухая башка Дика, на корме торчит. Ай, да зять, ай, молодец. Приезжал прошлой осенью погостить с семейством из Твери. Напросился с Ниило на ночной лов. Тот, чертыхаясь про себя (не любил, когда нарушали его раздумное одиночество), не решился отказать гостю. Не чужой, поди, человек, да и кто их знает, этих художников. Обидится еще, да не станут с дочкой приезжать. И жена тогда взгляд от печки метнула, как гранату – попробуй, мол, не возьми. И Ниило лишь мотнул согласно головой – собирайся. Смешно, тридцатилетний мужик, под метр девяносто, а поскакал, как малый телок сапоги искать. Внучок следом, как мячик прыгал: «Ну, папка, ну, дедуль, и я хочу». Еле отговорили: мал еще, да на всю ночь, да городской, не дай Бог, расшалиться в лодке. Это теперь уж поспокойней сделался, нет-нет, да и пристроится к Ниило, если тот рыбачит недалеко от берега.

А в тот раз не пожалел, что зять взял. Юрий не мешал, лишь очутились в Ладоге, затих, подолгу глядя, как казалось старику, в одну точку. Только когда пришло время дельную помощь оказать – бесшумно на веслах вдоль острова пройти, да сети вытащить, сильно удивил тестя, показав свою хватку и в том, и в другом. А точка та оказалась не простой – с нее Юрий весь мир, к которому Ниило уж давно привык, как к своей избе, по-своему увидел.

Теперь этот знакомый – новый мир прямо в комнате поселился.

Тут же и вторая картина – сад, да не та его часть, где Айно каждую весну свои цветы высаживает, а другая – заросшая буйной зеленью, с кряжистой старухой-

яблоней, под которой плел поначалу свои корзинки Ниило. Вот и низенькая лавка, у подножия которой поза и прутья сложены. Даже ножик с резной рукояткой, который был неизменным помощником в этой работе, на лавке очутился.

В общем, хоть гостей Ниило в свою келью не допускал, но переменами в ней остался доволен. А за зятя – талантище, как он про себя опять-таки подумал, гордость распирала. И уж место рядом со стариком в лодке на много лет вперед ему было обеспеченно.

Все остальное Ниило сам доделал. Даже веранду новую выстроил – считай, целый холл к избе приладил. И диванчик там поставили, кому жарко, летом на нем спали, и для сундука старинного, что в кладовке полвека ютился, место нашлось. И половики узорчатые, которые много лет ткала Айно, не хуже дорогих ковров свежий пол украсили. Не забыл дед и о жизненно важном – еще одну пристроечку к веранде пристукал. Да все по уму и с утеплением, чтоб не бегала его Айхошка до ветру в морозы через двор. Чай, не молодые, комфорту заслужили. Так и обновил весь дом, по мере сил до ума довел. Слез с лестницы, последнее ведро краски, на стены положив, и приготовился со своей старухой спокойную старость встречать.

Но тут пришла беда. Нежданная гостья – болезнь – змеей вползла в их жизнь и стала изнутри пожирать его Айхошу. За зиму та превратилась в тень. Пришлось срезать остатки белокурых кос, от которых остался седой редкий пух. Жена стремительно теряла зрение. Телевизор, как раньше – хоть изредка, после трудов, вместе теперь не смотрели. Айно сердилась и терялась от немочи, и без того не мягкий характер ее, стал портиться. Она раздражалась, ворчала, и, боясь сделаться ненужной, к чему не привыкла, пыталась везде успеть со своими замечаниями. Понимая состояние жены, поборов собственные страхи при виде, какими темпами наступает недуг, Ниило только прерывисто вздыхал и молчал на старухины несвоевременные реплики.

Летом та никаких цветов уже не сажала. Так, что самосевом взошло, то и распустилось. Осторожно держась за свежеевыструганные косяки, выходила вечерами старая Айно на крыльцо, садилась на ступеньки и рассеянно смотрела вокруг. Пара пестрых куриц по привычке бросалась к ней, но, так и не дождавшись подачки от заботливой прежде хозяйки, разбредалась по кустам. Там куры беспрепятственно рылись, не боясь получить нагоняй. Старый Дик – верный сторож их хозяйства и почетный напарник Ниило на рыбалках, бряцая цепью, делал попытки приветствовать хозяйку. Убедившись, что та и его не замечает, обескуражено возвращался на место возле будки. Но, храня уважение, не хлопался на бок, как обычно, а оставался сидеть, чутко прядая ушами и следя за всеми, кто приближался к калитке. Лишь древняя, клокастая кошка Сара удерживалась внимания старухи, начинающей видеть зыбкую грань между мирами. Стоило включиться кошачьему моторчику и послышаться равномерному урчанию, как вздрагивала рука, обтянутая тонкой, морщинистой кожей и тянулась к животному. Погрузившись в тепло кошачьего бока, пальцы слабо шевелились, поглаживая его.

Мотор работал все громче, а мысли уносили Айно далеко-далеко. Туда, где, смеясь, собирает Ниило ее растрепанные морским ветром шелковистые косы. Где сам он – молодой, не то, чтобы красавец, но крепкий, сильный парень в тельняшке с ярко-синими полосками. Он – моторист на рыболовецком судне, а со временем и помощником капитана станет. И все подружки в деревне завидуют – вот ведь, Айхошка, зеленая еще, а жениха нашла первая. Тогда, в 1951 году ей всего 16 было, а ее Ниило не многим-то и больше – 18 годков стукнуло Свадьбы, как таковой не было: некому было родней назваться, никого в живых у обоих после войны не осталось. Лишь раздался стук в дверь комнатки, где приютила бабка соседка Айно, да вошел в нее бравый моторист, с бескозыркой на буйных кудрях и с охапкой кувшинок в руках, перемешанных с оранжевыми купальницами. Это быющее в глаза, веселое солнце из цветов врезалось в память Айно на всю жизнь. И потом, когда муж приносил ей на рождение их троих детей модные гвоздики, и когда дарил, бывало, перед зоркими очами деревенских гостями, на юбилеи их свадьбы – жемчужной, серебряной, золотой – роскошные розы и помпезные хризантемы, отмалчивалась она, помня о желтых брызгах жизни. Вот и сейчас, когда память отрывалась от разума и ускользала вместе со здоровьем, мысленно цеплялась седая Айно за видение солнца из кувшинок и держалась за него изо всех сил.

Во время ее посиделок на крыльце и перебрался Ниило со своими корзинками и прутьями из-под яблони за домом, на другую сторону двора. Хоть и досаждало ему то, что всяка, проходящий мимо задирает над калиткой любопытную голову. Зато за женой присмотреть можно, мало ли чего. В один из вечеров старик почуял неладаное. Мало того, что никак не ладилось привычное рукоделье – то прут выскочит, больно хлестнув по щеке, то нож норовит вместо палочки палец отрезать, примешалось ко всему чувство неясной тоски. И стало расти, расти, пока не показалось Ниило, что остался он один во вселенной. Резко подняв голову, он уставился на пустое крыльцо. Как же сразу не заметил, что жены-то нет. Не сидела она, как обычно, невдалеке с отрешенным видом, не поглаживала невесомой рукой дряхлую кошку, не делила с ним, Ниило, жизненное пространство.

Пулей, взлетев на крыльцо, забежал он в дом. Тишина испугала больше, чем взрывы во время бомбежки фашистами Приладожья. Удивленно глядя в потолок, лежала Айно у порога в горнице. Трясущимися руками Ниило приподнял жену, осмотрел и, убедившись, что та не поранилась при падении, с трудом донес ее до постели. И впервые схватился за мобильный телефон, подаренный детьми давным-давно. Уговаривали, не ходи в Ладогу без него: бережного Бога бережет. Но Ниило все время забывал непривычную штукину в разных карманах и боялся потерять.

. И вот впервые обрадовался, что не надо к соседям бежать, к телефону проситься. Найдя бумажку, на которой были вписаны детьми все жизненно важные номера и подробный способ их набора, Ниило вызвал скорую помощь.

Жену увезли в больницу в райцентр. Старик осунулся, стал еще нелюдимее. Из дому выходил только для того,

чтобы успеть на автобус в город. Каждое утро туда, каждый вечер обратно. В палате у больной он проводил не более получаса: не зачем было торчать среди полудетых женщин разного возраста. Посидев у постели безмолвной жены, исподтишка погладив ее руку, он выкладывал на тумбочку привезенные гостинцы. Знал, что они ей сейчас не нужны, да как же с пустыми руками то. Угощал остальных. Выходил в гулкий больничный коридор и ждал докторов. Те спешили по своим неотложным делам, но обязательно кто-то приглашал Ниило в ординаторскую, и следовали объяснения на непонятном медицинском языке. Но что такое диабет Ниило сразу понял. Это та беспощадная гадина, что превратила его статную, светившуюся тихой благородной красотой почтенного возраста, Айхошу, в развалину. Мало того, лишившая его возможности видеть ее хотя бы на ступенях крыльца.

Здесь, в райцентре, жили оба их сына. По вечерам, сменяя друг друга после работы, они с невестками дежурили возле больной. Упрямо отказываясь от приглашения заночевать у детей, с наступлением сумерек, Ниило топал на остановку и уезжал домой.

Через две недели врач вызвал старика на личную беседу. К тому времени правая нога Айно опухла и приобрела зловещий оттенок. Оказалось занозила, сидя на крыльце босиком. А болезнь только этого и дожидалась. Сначала Ниило упорно не соглашался на ампутацию. Представлял, как воспримет это известие его гордая старуха, когда очнется. С ужасом рисовал в мятущемся уме картины, в которых Айно пыталась привычно встать на обе ноги и падала, обнаружив, что одной из них нет. А время уходило. Ниило понимал, что нужно принять решение, но никак не находил в себе сил. Пока, наконец, младший сын, крепко сжав задрожавшие губы, не подписал одним махом все необходимые для операции бумаги.

Он же первым и вошел к матери, когда ее привезли из операционного блока. И встретил ее из забытья, и проводил в палату отца, который в первый раз на его памяти, безутешно плакал.

Ко всему привыкает человек. Привыкла ли Айно к тому, что возле постели поблескивает спицами на больших колесах вечное теперь кресло? Что деревенский быт, к которому они давно приспособились, заставляет ее звать мужа в самые неудобные моменты, когда, будь все как прежде, она бы лучше умерла на месте, чем позволила ему вмешаться? К тому, что дети и внуки, которые теперь часто рядом с ними, вкладывают ей в руки кусок хлеба, потому что она его не видит, даже поднося к самому лицу?

Об этом она ни с кем не делилась. Она даже реже стала плакать по ночам, хотя первое после того, как очнулась после операции время, ее подушка не просыхала. Сквозь замутившийся разум стали проникать ясные лучи. За окнами совсем ошалели от тепла синицы. Айно не видит мелькания желтопузых стрелок, но слышит их радостное пение. Весна в разгаре, скоро почками запахнет. А летом нагрянут внуки и маленькая внучка. В новогодние каникулы все приезжали бабушку проводить, да не до того было. Мелькнули перед глазами их ошарашенные, испуганные мордашки и исчезли.

Махнула рукой, велела прочь увести. Но, до самого отъезда, слышала, как старшие приучали детей к несчастью и старались сохранить заведенные в доме традиции.

- Как, вы руки перед обедом не помыли? Так и сели, с грязными? А бабушка узнает, что скажет?! строжила сыновей старшая дочь. И доносился торопливый топот в направлении умывальника.

- Маруся, что же ты капризничаешь? Вот бабуля поправится, спросит, как себя вела наша Марусенька? непривычно многословно заливался Ниило, - и что, мы скажем, плохо?

Такой подход не давал Айно уйти в себя. То и дело из-за прикрытой двери раздавался то тоненький голосок внучки, то, басовитые, как у деда, голоса внуков: «С добрым утром, бабулечка! Привет, бабуля, пока, бабуля, поправляйся, бабушка!» Когда все разъехались, Айно уже строила мысленно зыбкие планы на лето. И вот, ей кажется, оно уже пришло...

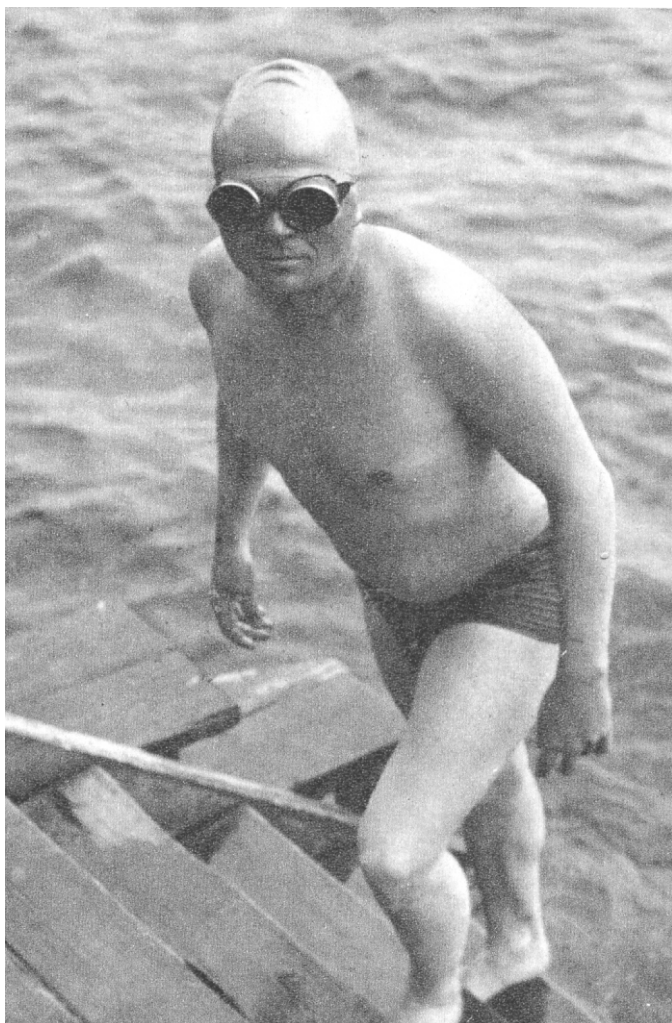
Наступил тот долгожданный день, когда она воссела на своем нынешнем кожаном троне и с высоты крыльца обвела взглядом двор.

А двор их, как целая жизнь: ловко плетет свои корзинки Ниило, который не доставал лодку из сарая с прошлого года. Сейчас вот зятя поджидает, может, и решится еще

разок с волнами побороться. Кошки Сары уж нет, она и так пережила все годы, ее роду отведенные. Верный Дик брешет шепотом голос пропал, оттаялся. Но при слове «рыбалка» так колотит хвостом, что только пыль столбом вокруг! Огород зарос сочной травой, да все, что нужно, теперь из магазина приносят. А им много и не надо... Зато под окнами избы невестки цветник разбили. И цветы там какие-то диковинные, не такие, как Айно когда-то разводила, привычные примулы, да бархатцы, да ноготки. Но тоже красиво, хоть и сливаются они у старухи в глазах в разноцветные пятна.

А вот и внуки стайкой в калитку влетают и бегом к Айно: «Смотри, бабуля! Это тебе!» И опрокидывается солнце к ней на колени. Слабыми руками собирает Айно что-то прохладное, свежее, родное до ужаса. Поднимает к глазам, зажмуривается и ... вдруг видит! Очень хорошо видит целый сноп из солнечных лучей, что бьют из чашечек кувшинок и купальниц и пускают зайчиков по всему двору! Один из бликов падает на склоненную над корзиной голову Ниило и, смешавшись с серебром запутавшихся в остатках его волос рыбьих чешуек, отражается обратно. Айно встает, окруженная этим сиянием, и легко, не касаясь ступеней крыльца, идет навстречу мужу, его смеющемуся лицу, засиявшим как в молодости глазам, цвета северного моря.

Хямäläйнен

Телеграфист из Рюттю Матти Юхо Хямäläйнен поставил блестящий мировой рекорд, прибыв из Валаама в Сортавалу в четверг в 10 ч. 15 мин вечера.

Весь его путь составлял 42 км, это на 10 км длиннее, чем в предыдущем рекорде заплыва через Английский канал. Время, за которое Хямäläйнен пересёк Ладогу - 26 часов 09 минут.

Многотысячная публика напряженно следила за последними усилиями бравого пловца, всячески выражая ему свое одобрение.

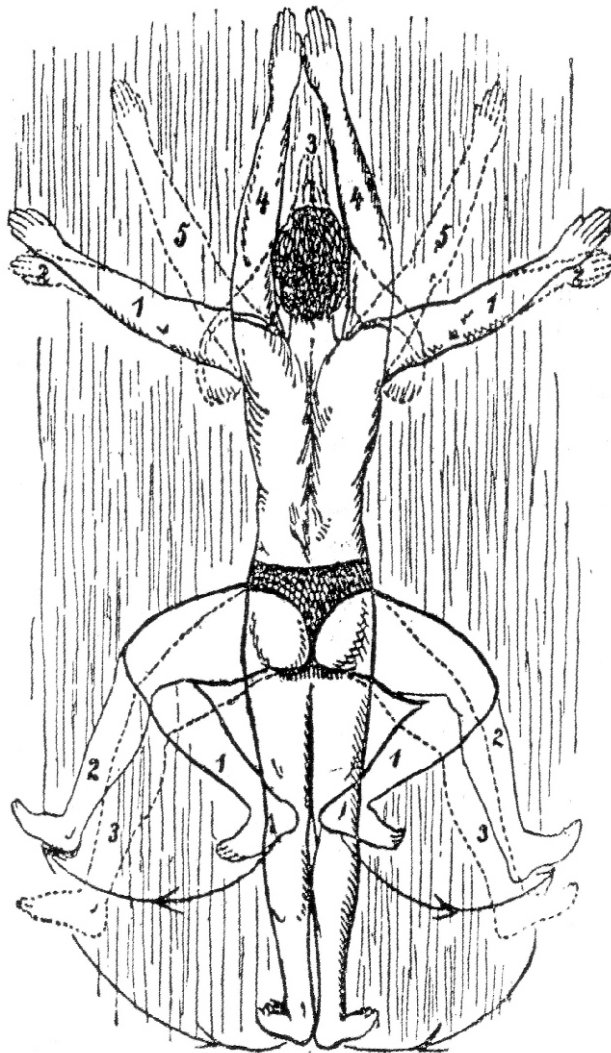
Горожане, прочитавшие в четверг в газете о том, что начальник станции Рюттю телеграфист М.Ю. Хямäläйнен в 20ч. 06 мин накануне вечером вошёл в воду Ладоги, рядом с островом Валаа-мом, с намерением прибыть вплавь следующим вечером в город, сочли новость шуткой или безумной попыткой. Только члены Сортавальско-го общества пловцов и друзья Хямäläйнена знали, что лишь буря может помешать осуществлению этого плана. Однако уже в течение дня с Воздухоплавательной станции стали поступать сообщения об удачном прохождении заплыва. В редакции разрывались телефоны, и уже в 16 часов в порту начала собираться публика. Чем ближе был пловец, тем больше становилось людей и лодок на пристани. Только напротив воздухоплавательной станции наш представитель насчитал 69 лодок, окружающих пловца, и оставляющих ему лишь узкий фарватер. Моторные лодки с трудом удавалось удерживать на расстоянии, а поднимаемая ими волна даже мешала пловцу на последних метрах его героических усилий. Не смотря на это, Хямäläйнен всё время находился в хорошем расположении духа, шутил и беседовал со встречающимися. Когда стемнело, его путь осветили прожектором. Значительную помощь оказали девушки из Общества любителей плавания, которые, плывя за километр впереди Хямäläйнена, образовали своеобразный почетный караул. Поддерживала и публика, никогда ещё не кричавшая так громко, как во время этого заплыва. Особенный восторг у зрителей начался на последних метрах заплыва в 22.15, когда Хямäläйнен сделал заключительный рывок. Он хотел сам подняться на сушу, но сильные руки подхватили его и сопроводили по организованному полицией коридору на взвешивание и осмотр тремя врачами. И даже когда героя повели в сауну, после изнурительного заплыва, публика не сдерживала своего восторга.

Матти Юхо Хямäläйнен родился 16.7.1899 г. в деревне Калатон уезда Укуниemi. Закончив среднюю школу в лицее Сортавала в 1917 г., он поступил на службу на железную дорогу. В 1926 г. его назначили телеграфистом на Больничную станцию, а с начала 1927 года он работает начальником станции Рюттю. На любой службе Хямäläйнена, как специалиста, ценили очень высоко. С детства он занимался спортом, и прежде всего, плаванием и стрельбой.

О подвиге знаменитого горожанина и о мировом рекорде, поставленном им, писала газета «Ладога» 13 августа 1927 года. Наш сотрудник Александр Изотов нашёл оригинал этой статьи, а Ольга Давыдова любезно помогла с переводом. Редакция Альманаха выражает им свою благодарность, публикуя данный материал.

Хямяляйнен поведал представителю нашей газеты, что наибольшим препятствием всё время был сильный боковой ветер, который поднялся с самого начала пути. Волна местами достигала 2 метров, и лодке сопровождения было трудно оставаться вблизи пловца. Поскольку луна скрылась за облаками, и маяк Маркатсу не был виден из лодки, пришлось определять маршрут по компасу и полярной звезде. После начальных трудностей маршрут удалось выставить, и направление на город было взято под руководством матроса моторной лодки Тойво Турунена. И, тем не менее, в темноте сделали крюк в 5 км. С восходом солнца Хямяляйнен позавтракал бутербродами и сладкой водой. Всего во время заплыва он питался 4 раза. И только один раз ему хотелось подняться из воды в районе Маркатсины, когда температура воды понизилась до 10 градусов на расстоянии примерно в километр. Но, когда ему сообщили ошибочную информацию, что до города осталась пара километров, он решил заплыв не прерывать. И потом, в окружении сотни лодок, было просто приятно плыть. Правда, газолин угрожал вызвать забастовку внутренних органов, и слой вазелина не мешало бы подлатать. После заплыва Хямяляйнена клонило в сон, сначала в сауне, а потом на приеме в Сеурахуоне, который устроило Общество любителей плавания. Он боролся со сном и во время заплыва, вода была мягкой, как постель, и солнце светило ласково, о чем свидетельствуют покрасневшие скулы и белые круги от автомобильных очков на лице пловца. В его теле больших изменений не наблюдалось, только руки были как у прачки, а ноги словно деревянные. Через пару часов после окончания заплыва, после бани и массажа он уже абсолютно уверенно шагал в номер гостиницы Сеурахуоне, чтобы насладиться заслуженным отдыхом.

Супруга Хямяляйнена встречала его в лодке, а дома остался 4-летний сын. Она рассказала, что муж принял решение о заплыве еще зимой.

За пару дней до заплыва у Хямяляйнена поднялась высокая температура. Перед заплывом он весил 88 кг. Врачи Рюткеля, Алопеус и Паяри осмотрели его после заплыва и совершили основные замеры. Вес - 81,3 кг, пульс сразу - 120, через 7 мин. - 96 и через 15 мин. - 80 ударов в минуту. Давление 131. Температура в прямой кишке 38,1 и подмышкой 36,7 градусов. Вес снизился приблизительно на 5 кг, принимая во внимание вес одежды.

После этого рекорда Хямяляйнену было предложено поехать в Англию, переплыть канал, на что он ответил, что сейчас очередь англичан ехать в Сортавалу. «К тому же я не плаваю на скорость, и Английский канал всего 33 км шириной. Сейчас, если учесть то, что я сбился с маршрута, я проплыл 42 км, все время плывя брасом. А рекорд канала - 11 часов 6 минут». Еще в 1923 этот рекорд поставил Салливан, 28 ч. 23 мин., так что «если бы погодные условия были бы благоприятными, и мне бы удалось проплыть канал менее чем за 20 часов».

Со всей страны Хямяляйнен получил множество букетов и поздравительных телеграмм.

Герой должен получить награду.

Общество любителей плавания Сортавала намерено приобрести для героя весомую почетную награду. Редакция газеты «Ладога» внесла первый значительный вклад в фонд этой награды. Общество ждет ваших взносов. Приобретение

награды - это дело чести не только города, но и всей провинции и государства. Речь идёт не о медали или кубке, а о более значительном предмете. Хямяляйнена решено принять в почетные члены общества и провозгласить его почетным магистром. О ваших взносах сообщайте в редакцию или в Общество любителей плавания.

Р.С."Сердоболя": Благодаря журналистскому расследованию мы выяснили, что в подарок от города Хямяляйнен получил рояль. Но вдоволь насладиться подарком ему так и не удалось - с началом войны великий пловец эмигрировал в Канаду, где до сих пор живут его потомки.

Виктор Печурин

«Все прожитые годы посвятил Виктор Алексеевич театру. С ним он связан, по его собственному выражению, как себя помнит. Ещё мальчишкой инстинктивно тянулся он к этой волшебной, чарующей сказке-были, где за полтора-два часа можно прожить жизнь датских королей или босяков заброшенной ночлежки, где идёт вечная борьба Добра и Зла» (В.Шнюков «Красное знамя» от 7.10.1983). Ровно за 30 лет до этой статьи Виктор Алексеевич организовал в Сортавала драматический коллектив, собиравшийся на базе городского Дома культуры и просуществовавший вплоть до 1986 года.

«Театр, - писал Виктор Алексеевич – это всегда современный и непосредственный отклик чувств и разума на важнейшие вопросы времени. Это – голос человеческой совести. Он помогает нам познавать себя, познавать мир».

Помимо непосредственной театральной деятельности – постановки спектаклей – Печурин так же занимался учебно-воспитательной работой с труппой театра. Например – каждому артисту давал задание – написать размышление о том, почему он приходит в театр, ответив на несколько несложных вопросов. Так же Виктор Алексеевич проводил «устные журналы» - лекции, беседы по искусству и зачитывал труды видных театральных деятелей, которые потом обсуждал с коллективом. Раз в год Народный театр организовывал творческие отчёты перед зрителями, с рассказом о деятельности и гастрольной работе. И, конечно же, к каждому спектаклю выпускались красочно оформленные афиши, программки и фотовитрины сцен из спектаклей. А в 60-е им был организован Музей театра в Доме Культуры. На втором этаже, за сценой, там, где сейчас помещения гримёрок, располагались стенды с фотографиями актёров, элементы декораций, костюмы ко всем спектаклям и многочисленные подарки, врученные театру от благодарных зрителей.

Ни один городской праздник не обходился без непосредственного участия Виктора Алексеевича. Он писал сценарии и режиссировал такие важные события как: 9 мая, 7 ноября, День защиты детей, Новый год, различные народные гулянья. Декорации и костюмы

«Самое главное в нашем деле – уметь влюбиться в процесс, именно в процесс, а не результат своей творческой деятельности»

В.А.Печурин

Виктор Алексеевич родился в 1913 году в городе Артёмовске и там, до ухода в армию в 1935, играл в комсомольском самодеятельном театре. После службы работал начальником управления по делам искусств Алтайского края, с 1940 по 1941 - директором Барнаульского краевого драматического театра, худруком и артистом Муромского театра Драмы и Эстрады.

По окончании войны и демобилизации оказался в Сортавала и руководил ансамблем Песни и Пляски Беломорского Военного Округа, а затем вступил в должность директора парка, и после - заведомо по культуре.

В 1953 году организовал в Сортавала театральный коллектив, которым руководил до самой смерти, до 1986 года.

также тщательно и с любовью были подобраны им. Все фабрики, заводы и прочие коллективы приглашали Виктора Алексеевича организовать их досуг к юбилеям и памятным датам. И он с удовольствием ставил театрализованные представления с их работниками.

В этом человеке поражает и легкость, и упорядоченность одновременно. Он вёл дневники, репетиционные книги, в отдельные ежедневники записывал мысли о жизни и о театре. Каждый его сценарий аккуратно набран на печатной машинке, сохранились все фотографии со спектаклей и мероприятий, а так же письма, грамоты и другие награды. Весь архив, включая незаконченные воспоминания о жизни, публикуемые в данном номере, заботливо хранит вдова Виктора Алексеевича - Александра Фёдоровна Печурина. Как писал Владимир Шнюков, участник драматического коллектива, рассказ которого также представлен в нашем журнале: «Постоянная активность - вот что отличает этого человека. Активность не ради самой активности, а как выражение жизненной позиции. А жизненная позиция у людей подобного склада выражена ясно - не быть равнодушным».

«Человека оценивать надо не только по работе - за это он зарплату получает - но ещё и потому что делает он по долгу сердца, за самую высокую оплату, за «спасибо».

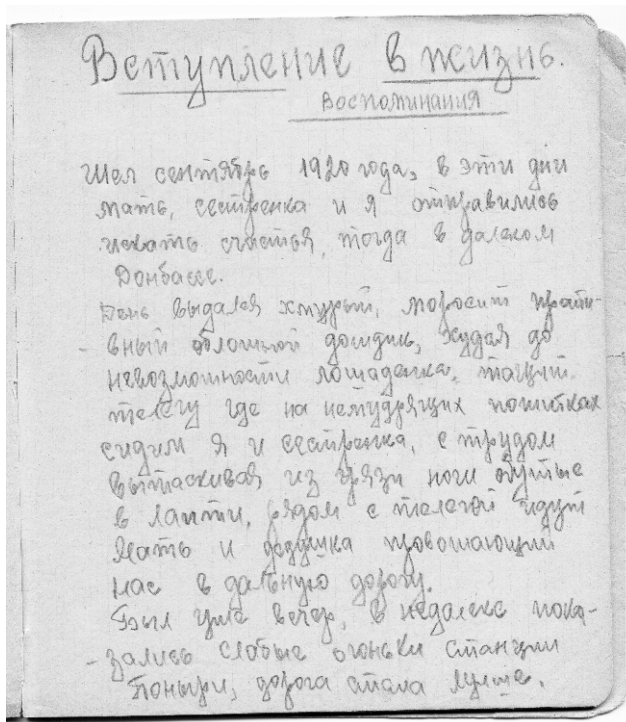
(В.А.Печурин 1973 г.)

На сцене Комсомольского театра (1930-е гг.)

Праздничное шествие к 50 - летию СССР в Сортавала, реж. В. Печурин

«Вступление в жизнь. Воспоминания. ...незаконченная»

Шёл сентябрь 1920 года, в эти дни мать, сестрёнка и я отправились искать счастья, тогда в далёком Донбассе.

День выдался хмурый, моросит противный облачный дождик, худая, до невозможности, лошадёнка тащит телегу, где на немудрящих пожитках сидим я и сестрёнка, с трудом вытаскивая из грязи ноги, обутые в лапти, рядом с телегой идут мать и дедушка, провожающий нас в дальнюю дорогу.

Был уже вечер, в недалеке показались слабые огоньки станции Пониры, дорога стала лучше. Дедушка стеганул лошадёнку кнутом, и она, как бы радуясь концу пути, пошла трусить мелкой рысью.

В слабо освещённом зале ожидания вокзала было грязно и душно от скопища людей, которые, как и мы отправлялись в Донбасс, где можно было устроиться на работу, иметь возможность прокормить, порядком изголодавшиеся, свои семьи.

С трудом отыскав место, уложив вещи и усадив на них нас, дедушка и мать ушли. В скорости они возвратились, принеся чайник кипятку. Мать нарезала кусочками горного, перемешанного с лебедой, хлеба, и все мы принялись его есть, запивая кипятком.

Проснулись рано, сквозь давно не мытые, заросшие паутиной окна вокзала, пробивались косые лучи солнца, взяв свои вещи, мы вышли на перрон. Постепенно начали выходить и другие, таща на себе скarb и детей, которые громко плакали, просили хлеба, есть...

Примерно в полдень начальник станции объявил, что едущие в Донбасс могут занимать места в вагонах товарного эшелона, который стоит в тупике и отправится без объявления. Всё пришло в движение, люди заторопились, загалдели и как муравьи поползли к составу. Долго ещё была слышна перебранка за место, но из вагонов никто уже не выходил, боясь отстать от эшелона. Заняв место в вагоне, мы начали прощаться с дедушкой, поцеловав нас и сказав последние напутственные слова матери, он пошёл, на ходу смахивая своей шершавой рукой набегавшие слёзы, шёл он медленной, старческой походкой.

В вагоне было душно и жарко. Я, слушая разговоры и тихие, баюкающие песни женщин, укладывающих своих детей, задремал и незаметно уснул. Проснулся от стука колёс и ночной прохлады, т.к. дверь вагона была открыта. Люди, утомленные за день, мирно спали. Я тихонько, чтобы не разбудить спящих, переступив через их тела, добрался до двери и стал смотреть в темноту. Так я сидел долго и думал....О чём? Как мне теперь помнится, думал я о времени, когда вдоволь смогу покушать белого хлеба, вместо лаптей одену сапоги или ботинки, у меня будут штанишки без заплат и буду носить не свитку домотканую, а пальто, и непременно почему-то с каракулевым воротником. Да, это были мечты ребёнка, в тот далёкий 1920 год. И этим мечтам суждено было сбыться, моё поколение, переживая холод и голод, в лаптях и опорках строило новую жизнь. И нет сейчас на земном шаре жизни краше и богаче, чем наша Отчизна.

Поезд мчался, стуча колёсами и, слушая этот мерный стук, люди как бы успокоились, забыли о своих невзгодах, то в одном, то в другом углу вагона, слышались смех, шутки, иногда незлобное крепкое слово. Вот какой-то женский голос красивого тембра вёл песню: «То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит...», несколько человек женщин и мужчин, подхватили песню и несли её дальше: «То моё, моё сердечко стонет, как осенний лист дрожит». И лилась, звенела над русской равниной русская песня.

На остановках мужчины ходили по воду, а потом на кострах, разложенных прямо у вагонов или вдоль полотна железной дороги, женщины варили жидкую похлёбку, кипятили чай, пекли лепёшки из овсяга.

Путь наш был не из лёгких, эшелон тянулся медленно, подолгу стоял на перегонах и полустанках. На одной из больших станций, не доезжая Харькова, наш состав был отведён в тупик, станция и город были в руках каких-то белогвардейцев. Днём большинство мужчин и женщин ушли в город, на базар, в надежде купить или выменять что-либо из продуктов. Хозяевами эшелона временно стали мы, дети. Мы бегали из вагона в вагон, лазали по тормозам и крышам, придумав игру в кондуктора и зайцев. Однако голод брал своё, с наступлением вечера мы

поутихли, сидели по своим вагонам, ожидая родителей. В ожидании матери я часто выглядывал из вагона. Вдруг в конце эшелона появилась небольшая группа людей, быстро идущих к нашему вагону, с ними была моя мать, но в середине группы, как бы хоронясь от постороннего взгляда, шёл незнакомый человек. В нескольких шагах от вагона группа остановилась, двое мужчин заглянули под вагон, несколько человек оглядывались по сторонам, а незнакомец и с ним ещё три человека, стремительно поднялись в вагон. Поднялись и остальные. Моя мать и один мужчина быстро разбирали мешки и другие вещи, в освободившееся место, прямо на пол лёг незнакомец. Его заложили мешками, сверху постелили постель, уложив в неё меня. Мама мне сказала, чтобы я лежал, закрывши глаза, и стонал. Если придут чужие люди и будут спрашивать, то не отвечать, сама же она, приняв горестный вид, уселась подле меня. А по эшелону уже шёл разговор, что где-то в вагонах составов, стоящих на путях, прячется коммунист, которого разыскивают белогвардейцы. Обитатели нашего вагона разложили у насыпи костры, на треноги повесили котелки, десяток людей находились у костров, а остальные сидели в вагоне и вели разговор о делах житейских.

Белогвардейцы не заставили себя долго ждать. К вагону торопливо подошла группа во главе с офицером. Часть этих головорезов были пьяны. «Вы не видели здесь человека в галифе и френче?» - не спросил, а как-то прокричал тонким голосом офицер. Несколько голосов ответили, что никого не видели, т.к. только что вернулись из города. «Осмотреть вагон» - скомандовал офицер. Два здоровенных детины шатаясь, подошли к вагону и стали неуклюже подниматься. В вагоне они внимательно вглядывались в лица присутствующих, дыша на них перегаром самогона. Икая и спотыкаясь о мешки и вещи, они стали рыскать по углам, разбрасывая вещи пассажиров. Бранно выругавшись, один из них направился к мешкам, на которых лежал я. Навстречу ему поднялась мать и, рыдая начала просить его, чтобы он не трогал меня, т.к. я болен тифом и вот уже вторые сутки лежу без сознания. Очевидно слово «тиф» на них подействовало, они поспешно выпрыгнули из вагона и, спотыкаясь, побежали догонять свою группу.

Ночью наш эшелон вывели на главный путь, паровоз охрипшим голосом дал сигнал об отправке и стал набирать скорость.

Через час ли два из-под мешков вылез незнакомец, он был бледен и тяжело дышал. Постепенно приходя в себя, он попросил пить. Напившись, он встал, расправил своё уставшее тело и весело сказал: «Ну, давайте знакомиться, зовут меня – Антоном».

Всю дорогу до Харькова он вёл беседу с мужчинами, рассказывая им о трудностях, о борьбе с врагами, и, говоря о будущем, лицо его становилось свет-

лее и вдохновеннее. В разговорах он часто упоминал тогда ещё незнакомое мне имя – Ленин.

А вот и пригород Харькова, дядя Антон начал со всеми прощаться, подойдя ко мне и погладив по голове, он сказал: «Ну, будь здоров, спаситель». Поезд пошёл медленнее, дядя Антон выпрыгнув из вагона, ещё долго провожал взглядом идущий эшелон. Так впервые я увидел человека, имя которому было – Коммунист.

Позади остались Харьков, Изюм, Лимон и, наконец, Бахмут (ныне г. Артёмовск) – это наша конечная станция. Прощаемся с попутчиками, пешком добираться до села-шахты со странным названием «Кишинский» и попадаем в объятия родственников.

Рудничные ребята поначалу с иронией смотрели на меня – обутого в лапти, с деревенским российским говорком, вскорости я стал полноправным членом их повседневных игр во взрослых шахтёров. И, конечно же, здесь была работа в шахте, да ещё и в две смены. В начале весны 1921 года, мать была направлена на работу кухарки, в открывающийся детский очаг. Очаг располагался в доме бывшего хозяина шахты, утопая в зелени фруктового сада. Сорок ребят с шумом бегали по просторным и светлым комнатам очага. Большинство ребят находилось в очаге только днём, круглосуточно жили только те ребята, которые в этом нуждались. При очаге жили и мы с матерью...

В. Печурин. Армейское фото.

ЗДРАВСТВУЙ, АЛЕКСЕЕВИЧ.

Мне было 24 года, когда я приехал в Сортавалу в 1977 году. Прожил здесь с некоторым перерывом до середины 1986 года. С 1979 года участвовал в работе театральной студии при Доме офицеров, организатором и режиссером которой был Виктор Алексеевич Печурин. Ниже предлагаю свои скромные воспоминания об этом глубоко симпатичном мне человеке.

Чего я потащился в тот нудно-дождливый выходной день ранней осени в Дом офицеров записываться в театр – не помню. Но точно привела меня туда не тяга к сцене, поскольку никакого артистического дара в себе не ощущал. Хотя театр любил, когда жил в Питере – посещал. Скорей всего, хандра заела, придушила монотонность быта. Надо было встряхнуться. Вариантов душевной встряски было немного, стандартный набор: напиться, застрелиться, уехать куда подальше, ну или, например, записаться в театр...

На вахте Дома офицеров было пусто, да и около тихо – ни шагов, ни голосов. Лишь в глубине своеобразной прихожей на небольшом диване у окна сидел, глубоко задумавшись, старик колоритного вида: скульптурная осанка, седая шевелюра, крупные, выразительные черты лица...

Я поздоровался, и только услышав мой голос, старик вышел из задумчивости, вопросительно посмотрел на меня. Извините, не подскажете: я хотел бы записаться в театральную студию – к кому надо обратиться? А обращайтесь ко мне, не промахнётесь, – добродушно улыбнулся старик и, с некоторым усилием поднявшись, протянул мне руку. – Меня зовут Виктор Алексеевич Печурин, я как раз и занимаюсь здесь театром. А теперь давайте-ка присядем, и вы что-нибудь расскажете мне о себе.

Не помню уже, о чём мы тогда говорили, помню только, что говорили долго, пока к моему собеседнику не обратился с каким-то делом военный, майор, видимо, начальник Дома офицеров. К сожалению, Володя, вынужден вас покинуть. Рад встрече. Обязательно жду на репетицию, – Виктор Алексеевич ещё раз крепко пожал мне руку и отправился с военным внутрь здания. А меня при выходе остановила, поздоровавшись, шустрая дама, обосновавшаяся к тому времени на вахте, и, к моему удивлению, спросила меня что-то о семье Печурина. Я совершенно искренне ответил, что не знаю. Да ладно уж вам. Прямо-таки: не знаю – шутливо передразнила меня любопытная. – Как будто я не видела, как вы тут часа полтора разговаривали. Сразу видно – друзья закадычные.

Я хотел ей сказать, что люди, которых она приняла за давних друзей, полтора часа назад впервые в жизни увидели друг друга. Но не сказал, поняв по хитринкам в её глазах, что всё равно не поверит.

Театр при Доме офицеров был преимущественно молодежным – Виктор Алексеевич набирал актёров в основном из школьников-старшеклассников. Понятно, что состав труппы постоянством не отличался, после выпускных экзаменов ряды артистов редели. Но приходили новые, впрочем, и выпускники не все покидали Сортавалу. Имена некоторых молодых актёров того театра остались в памяти: Эдуард Шевченко, Олег Гарновский, Александр Чистов. Ну и конечно – Лейла Берая. Вот уж кого не забудешь. Скромная девчушка на сцене преображалась, являя задатки прекрасной комедийной актрисы: пластика, мимика, сценическая речь – всё сливалось в нужных пропорциях, создавая игру лёгкую, непринуждённую. И обычных реплик режиссёра не слышно было, когда репетировала свою роль Лейла: Виктор Алексеевич смотрел, сложив руки на груди, откинувшись на спинку стула, и на лице его – довольная улыбка человека, который увидел то самое, что очень хотел увидеть. Он любовался.

Помню, как Алексеевич (так со временем как-то незаметно я стал обращаться к нему в разговорах) не раз говорил мне, что будет несправедливо, если Лейла не получит серьёзного театрального образования. Переживал, опасался, что девчонке из провинциального городка будет сложно попасть в престижный столичный театральный вуз. Я его совершенно искренне успокаивал, поскольку для меня было само собой разумеющимся, что Лейла Берая будет известной актрисой. Даже, помнится, стих сочинил на тему будущего Лейлы:

Вечер после работы

- час пик.

На улицах города

- гвалт, крик.

Но вдруг словно команда

- и вот,

Устремился по домам

весь народ.

Устремился к телевизорам,

причину зная,

В девятнадцать тридцать на экране

- Лейла Берая.

Слева на фото - Лейла Берая

Не знаю, как сложилась судьба Лейлы, но поскольку я не вижу её на экране телевизора, то подозреваю, что несправедливость состоялась. Общий язык с подростками — актёрами своего театра — Виктор Алексеевич находил без затруднений, был у этого человека несомненный талант педагога. Не заигрывал, не подлаживался, просто говорил самые обыкновенные слова, которые, видимо, и оказывались самыми нужными: «Вика, здравствуй. И как ты контрольную написала? Не знаешь ещё... А сама как думаешь?»; «Эдик, ну и что — взяли вы первое место? Нет. А чего же так? Ну-ка, расскажи...». И обычная картина: закончилась репетиция, и Виктор Алексеевич идёт через длинный холл к выходу медленной грузноватой походкой в окружении стайки школьников, которые наперебой что-то рассказывают ему. Он доходит до раздевалки, ставит портфель, не спеша одевается, а они всё рассказывают, рассказывают...

Нас, взрослых, достаточно солидных уже семейных людей было в том театре немного: Виктор Солодилов, Александр Сапунов, Иван Кравец, Ирина Хворостова... К сожалению, не всех помню. Люди совершенно разные и, думаю, не будь режиссёра Печурина — недолго бы некоторые из нас (я в том числе) оставались в театре. Но остались: интересно было смотреть, как Алексеевич ведёт репетиции; интересно было разговаривать с ним; а потом и на сцене дело находилось. И роль для каждого Виктор Алексеевич подбирал тщательно.

Авторитет Виктора Алексеевича среди нас, взрослых, был несомненным. Но определённая субординация в отношениях, которая зачастую бывает в таких случаях, у нас отсутствовала, Алексеевич всегда располагал к добродушно-откровенному разговору. Бывало, и спорили с ним, и в таких случаях он умел слушать.

Как-то, по причине дня рождения (точно не помню, вроде Саши Сапунова), мы, четверо взрослых, прихватили на репетицию выпивку и закуски — было это, помнится, в первый сезон моего пребывания в

театре. И когда репетиция закончилась, молодёжь разошлась, помявшись, сообщили Виктору Алексеевичу об имениннике, а также о том, что в пакете, который мы приволокли с собой, находятся не только тексты ролей. Виктор Алексеевич улыбнулся: Да ладно, ребята, не стесняйтесь. Я же знаю, что вы тут стулья ломать не станете. Так что наливайте. И я с вами посижу.

«Из разговоров они признают только споры...» — спор у нас тогда был длинный и жаркий. Насколько помню, от современного театра перешли к театру Чехова, от Чехова — к Достоевскому, от Достоевского — к русской истории. Далеко не во всём Виктор Алексеевич с нами соглашался (впрочем, как и мы друг с другом). Но запомнилось, как он нас слушал: внимательно, даже сосредоточенно, без тени снисходительности. Потом провожали Алексеевича до дома, стараясь не слишком тревожить притихшую к ночи улицу Карельскую своей интеллектуальной беседой. Не тревожить получалось плохо — Витя Солодилов обладал совершенно громогласным басом, и в споре он, того не замечая, включал свой бас на полную мощность, даже когда был трезвым...

Благодаря режиссёру Печурину у нас — шоферов, каменщиков, слесарей, продавцов — наверное, порой что-то получалось на сцене. Здесь у Виктора Алексеевича, на мой взгляд, имелась совершенно правильная постановка дела именно с учётом того, что театр любительский. Ставка делалась не на актёрское мастерство как таковое — голос, жест, мимику, сценическое движение (хотя и это всё, конечно, отрабатывалось) — а на эмоциональное проживание актёром роли. Ведь главное — и единственное по сути — преимущество актёра-любителя перед профессионалом в том, что он выходит на суд зрителя очень редко, порой лишь раз в год. И поэтому от него можно ждать выплеска эмоций, чего сложно ожидать от человека, играющего на зрителя каждую неделю.

Уверен, что Виктору Алексеевичу и просто доставляло удовольствие видеть, как увлечены театром взрослые, семейные люди, отягощенные грузом бытовых проблем. Поэтому никакая актёрская инициатива без режиссёрского внимания не оставалась. Как-то я обмолвился, что на роль девочки в «Заступнице» (одной из «капель» в «Четырёх каплях» Виктора Розова) можно было бы попробовать мою дочь Лину. Виктор Алексеевич тут же предложил мне сыграть вместе с дочерью (в той одноактовке только две роли) и вскоре наш семейный дуэт приступил к репетициям. Уж не знаю, насколько хорошо у нас получалось, но не раз замечал довольную улыбку на лице режиссёра. Полагаю, доволен он был не столько нашей игрой, сколько тем, как нам интересно на сцене друг с другом. А нам действительно было интересно. Сейчас у Лины уже у самой дочь в том возрасте, в котором она репетировала со мной.

После «Оптимистической трагедии»

Недавно спросил дочку, помнит ли она о том эпизоде из нашей жизни. Удивилась: «Да как же, папка Конечно, помню».

Спектакль «Четыре капли» - последняя работа режиссёра Виктора Печурина, она осталась незавершённой – не хватило жизни.

Я однажды сказал, что меня не очень интересует выход спектакля на публику, мне достаточно того, что интересно на репетициях, показывать то, что мы делаем, вовсе не обязательно. Виктор Алексеевич даже обиделся, бурно возразил: Как так – не показывать? Нет, Володя, показывать надо – и обязательно Это же твоё творение. Получается, создал – и выбросил? Алексеевич, ну велик ли интерес посмотреть нашу любительщину? Есть на то профессионалы... Нет, вы посмотрите на этого скромника - поставленный баритон Алексеевича взял осуждающую ноту. – Вы послушайте, что он такое говорит Ему, видите ли, совестно показывать на сцене то, что он делает, поскольку не профессионал он... Поверь моим седым волосам, Володя, зрителю безразлично, профессиональный ты актёр или нет, ему интересно, когда ты живёшь на сцене, а не прочитываешь роль...

Репертуар театра был достаточно разнообразен. Выделил бы три направления: детские спектакли («Приключения Чиполлино», «Кот в сапогах»); современная драматургия (Розов, Дударев, Вампилов); военно-патриотическая тема – это уж само собой, Дом офицеров все же.

В детских спектаклях блистала, конечно, Лейла Берая – играла она, насколько помню, и Кота в сапогах, и Чиполлино. Колоритно выглядел Саша Чистов в роли синьора Помидора в «Приключениях Чиполлино» - маленькие зрители просто замирали от волнения, когда этот злой овощ накидывался на Тыкву, Вишенку и прочих добрых плодов, и облегчённо смеялись, когда злодей получал отпор.

На детских спектаклях зал был почти всегда полон. Я удивлялся тогда: играли, например, «Приключения Чиполлино» несколько раз, все дети Сортавалы могли уже посмотреть, а зал опять полон... Но на последнем спектакле понял, в чём дело. Я тогда был введён на роль синьора Помидора вместо Чистова – Саша уехал куда-то (вроде, в армию). И вот, отыграв одну из своих сцен, стал за ближней к залу кулисой. И явственно услышал с первого ряда: «А Помидор сегодня другой». Оказывается, дети ходили на этот спектакль не по одному разу.

Часто доводилось играть перед солдатами, публикой своеобразной. С одной стороны – зрители в принудительном порядке, приводили их в Дом офицеров, чтобы поставить галочку в соответствующей графе. А коли принудилровка, то какой интерес. С другой стороны – если заинтересуешь солдат, то зритель из них получается самый благодарный, награждают за удачную игру от души. Помню, играли для служивых премьеру романтической мелодрамы (запомнил автора, и название пьесы), встречен-

ную нашими зрителями (а зал был полон) поначалу насторожённо-безмолвно. Но играли мы тогда вдохновенно, и я чувствовал, как менялось настроение зала, зритель оживал. И вот финальная сцена. В ней героиня - которую играла девушка по имени Вика, фамилию, винюся, не вспомню - в сердцах запускает в героя - которого изображал я - туфлём (после чего следует объяснение, слёзы, музыка, занавес). При этом туфля должна была обязательно попасть в меня, то есть если мимо, то минус эпизоду. На репетициях обувка, благополучно теряя силу в полёте, попадала мне в грудь или плечо. Но в тот день Вика в азарте игры, с головой уйдя в роль, запустила в меня со всей силой, и туфля как пушечное ядро устремилась мне прямо в нос. Я машинально успел закрыться левой рукой, на которой были часы – те вдребезги, стекло аж в зал улетело... Громовой хохот и шквал аплодисментов. Доиграли финал на ура, успех был полный. Когда восторженные зрители стали, наконец, покидать зал, к нам бросился Виктор Алексеевич: Володя, ты как? Не ранен? Вика, ну что же ты... Репетировали же...

А убедившись, что глаза и нос мои целы, обнял нас: Спасибо вам, ребята! Если бы знали вы, как порадовали старика...

«Репетиции не будет, Виктор Алексеевич умер», - сказал кто-то мне при входе в Дом офицеров.

Вот так... И вроде как всё понятно: человек в годах, болел, - но всё равно известие о его смерти было для меня неожиданностью.

Гроб с телом Виктора Алексеевича отправили в Петрозаводск, хоронили его там. В Сортавале было прощание в Доме офицеров, которое помню плохо. Помню только, что погода была совершенно гнилая: промозглая, серая, слякотная. Мы, театралы, что-то помогали: носили, переставляли. Потом слушали прощальные речи. Потом прощались сами. Потом... потом сидели где-то в тесном кругу, пили водку. И говорили. О Викторе Алексеевиче Печурине. Режиссёре и человеке.

Давно не был в Сортавале, и вот навестил. Медленно иду по городу, бережно расправляя в памяти воспоминания. Прохожу сквер, мост через залив. Вот и Дом офицеров, постаревший какой-то, словно осунувшийся. Прохожу мимо, но - слышу явственно: «Вернись». Возвращаюсь, медленно поднимаюсь на крыльцо, тихо вхожу. Тишина, ни души - как четверть века назад. Только на диванчике у окна сидит, глубоко задумавшись, старик с крупными, выразительными, очень знакомыми чертами лица. Увидев меня, он живо поднялся, протянул руку: Здравствуй, Володя, здравствуй, дорогой! Ну-ка, садись рядом, расскажи, как ты жил всё это время? Здравствуй, Алексеевич, здравствуй! Конечно, расскажу. Много расскажу. Мы о многом не договорили в этой жизни.

Владимир Шнюков

В прошлом, 4 номере Альманаха, в статье "Про театр" допущена неточность: "Труппой Народного театра далее руководил К.А. Гоголев." В действительности, К.А. Гоголев являлся заведующим постановочной частью коллектива, а режиссёром в тот период был Ильинков В.И.

1947 год. На трибуне Дома Офицеров

1942 год. С писателем С. Кантором (слева)

На крыльце Дома Офицеров

С артистом Кадочниковым

Мосфильм февраль 1957.

В Печурин (первый справа в нижнем ряду) на Мосфильме с реж. С. Бондарчуком (в центре)

Александр Изотов

Родился в 1957г. в Сортавала. В 1975 году закончил школу №1. По образованию историк - учился на историко - филологическом факультете Петрозаводского университета, закончил аспирантуру при ЛГУ. Работал преподавателем на кафедре политологии ПГУ. В настоящее время живёт в г. Йоэнсу (Финляндия). Пишет стихи и эссе, сочиняет музыку. В его творчестве отражена природа родного Северного Приладожья, широкая палитра интересов в различных областях искусства, размышления о современном мире.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Снова октябрь и умирает природа.
Под липами листья лежат - они слаще меда.
Небо, наспех сделанное из цинка.
Память - иголка, - время заезженная пластинка.
Крепче вина разлитая в воздухе влага.
И чтобы жить, нужны безумие и отвага.
Скоро совсем я разменяю полтинник.
На сердце весна, благоухает малинник.
Лишь календарь твердит про какую-то осень.
И что за намек - этот туман между сосен?
Клин журавлиный приумножает печали,
но все свои слезы я выплакал в самом начале
4-8.10.2007 г.

ШКОЛА

В. И. Скрябиной

Порой это было, как Via Dolorosa,
и каждый камень ранил ступни.
Храм среди сада – какая громада
Бог мой, как знакомо все внутри.
Порой это было, как майский ветер,
простыней надувающий паруса.
Корабль из бумаги, красные флаги,
и мы, уплывающие в небеса.
Стальная эпоха, ватное время,
с правдой и кривдою буквари.
Строгий учитель, бедный учитель,
урок своей жизни мне повтори.

Империя перед лицом развала.
Устои рушатся, и куплен весь Сенат.
И гладиаторы, не опустив забрала,
дерутся, окровавлены до пят.
В удобных ложах притаились кровопийцы
И ждут, кто победит, за зрелищем следя,
Невольники им служат - нумидийцы.
И чёрный раб сидит внутри тебя.
1990 г.

ЛОЛА

Лола, дитя Гибралтара,
враз покорившая Север,
звезда полуночного бара -
черная юбка, как веер.
Партнеру ты даришь улыбку,
значит, меня позабыла.
Тянешь фламенко, как пытку,
ждешь, чтобы сердце заныло.
Старая песня на русском
в дальнем краю андалузском
льется под шелест олив.
Темные дни без любви –
словно луною в крови
вызванный долгий отлив.

2000 г.

КАРМЕН

Сперва была кухня и был чай,
и я одну мог видеть в окно.
Потом пианист забрел невзначай,
а с ним другая пришла заодно.
Он, руки согрев, присел за рояль,
она в нетерпенье по кухне прошлась.
Когда ее плечи скинули шаль,
та, за окном, не сразу нашлась.
И тут я услышал знакомый мотив
и звуки чарующие кастаньет.
Лишь спины мелькнули вдруг у них,
и с белым смешался черный цвет.
А гостя была уже за окном,
с хозяйкою вместе кружилась там.
И та, не боясь играть с огнем,
цветы подносила к своим губам.
Когда же вновь разгорался спор,
летели клавиши, будто снег.
А черный рояль, как цыганский хор,
казалось, он не умолкнет вовек.
Но вот снегопад потихоньку затих
и, попрощавшись, ушел музыкант.
А я, в одиночестве чай допив,
поднял забытый красный бант.

1988 г.

ПЕПЕЛ

Это место на шее, оно – для моих губ.
Мне слышен твой голос на подступах к раю.
Я сделал убежище из твоих беззащитных рук.
Я разучился ходить, я летаю.

Марсель, распятый на пути к Свану,
Джордано, сожженный на костре любви –
я вижу свой пепел, рассыпанный по океану;
он повсюду, куда ни плыви.

Вот кусты – словно взрывы на детских рисунках.
Снег лежит там, где желтели цветы.
Играй, играй на моих потаенных струнках,
это можешь лишь ты.

2004 г.

ДОМ ГЁТЕ

Абстракции нордических полей.
И я над ними совершал полёты.
Не изменились небеса с тех дней,
когда впервые их увидел Гёте.
Императив категоричен столько лет!
Он лишь однажды превратился в ноты.
Плывёт бетховенский квартет
и обгоняет самолёты.

Над синевой не видно звёзд,
а под ногами только вата.
Я трепещу совсем как гость,
что рейхсминистра навещал когда-то.

Я гость и есть спланировал с высот,
едва не зацепив за небоскрёбы.
Я слышу как толпа ревёт
и напрягает интеллект амёбы.

Мне грезится замедленный обвал
воинственных речей, концепций, зданий
и книги мальчика, что в этом доме спал
исток самоубийственных страданий.

Он постарел, ругает новизну.
Пойду куда-нибудь и выпью кофе,
пофилософствовать слегка дерзну,
когда напротив приземлится Мефистофель.

Прощай же, веймарский ворчун!
Твой пьедестал под сталью башен,
твой Вертер, как и прежде, юн,
и твой народ совсем не страшен.

Frankfurt, 2006 г.

Я ловлю календарь на обмане,
и виню своё зрение -
санаторий тонет в тумане,
август - месяц осенний.

Пауки сушат сети на солнце,
не дождавшись улова.
Профиль девы маячит в оконце,
в паутине шевелится слово.

Стены Тункулы слишком стары,
чтобы дальние строить планы.
И до самой глухой поры
августовские делятся обманы

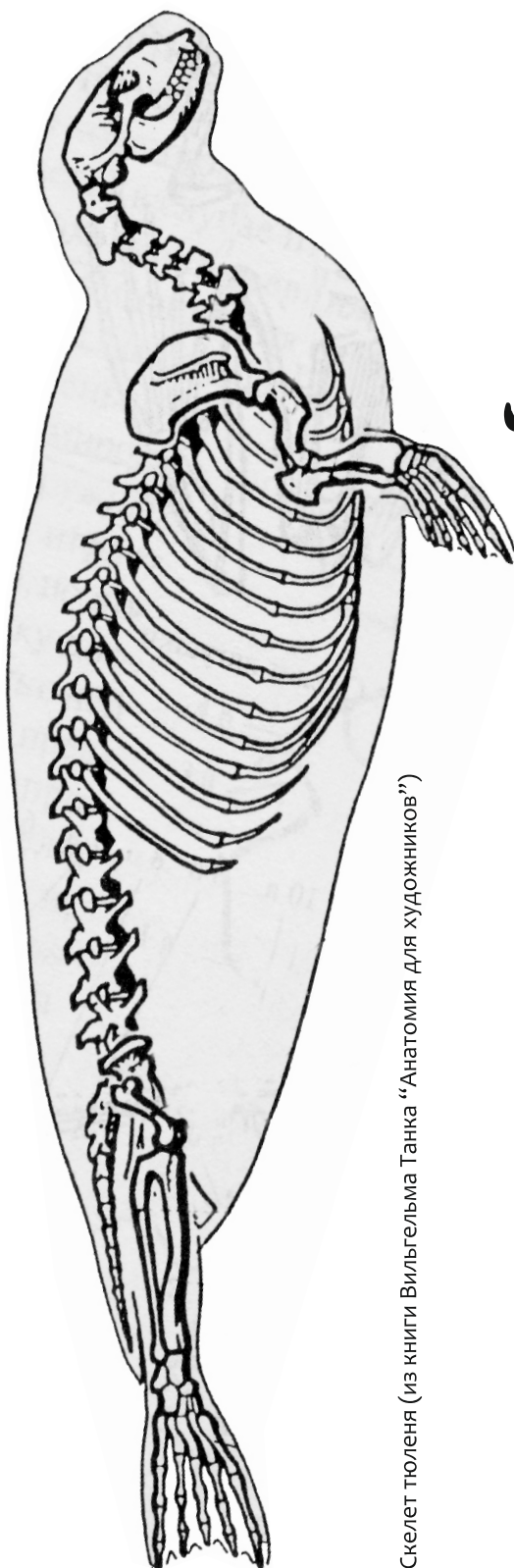
МАРТ, СОЛНЦЕ И ХИП-ХОП

1993 г. (Стихи о Сортавале)

К синей краске добавив белил,
март заливают солнечным светом
особняки, развалины вилл,
гербарий, оставленный летом.
На яркость не настроить глаза.
С куполами слилось небо.
Засохшая шелестит стрекоза
или помятая страница снега?
По заливу, словно Спаситель, пройду -
поможет чудо, не святость.
С горы детвора летит по льду,
унаследовавшая нашу радость.
Только не в валенках с чужой ноги
и не в фуфайках – навстречу солнцу.
Из наушников раненная в мозги,
шагает банда из Южного Бронксу.
На сердце как будто скребут винил.
Уста, однако, не отзовутся рэпом.
И меня дальний берег манил,
он ближе – в городе этом.
А старый курильщик все смолит –
известка чернеет у Пентагона.*
Панорамы сладко обманет вид –
с Кухавуори не подсчитать урона.
На улицах только крупный план –
он не щадит ни стены, ни лица.
Под штукатуркой не скроешь ран,
и от людей – что ты за птица.
На Дне города будет оркестр и хор,
на дне города слеза не поможет.
И если в душе светло до сих пор,
то и от солнца в марте тоже

СТИХИ ИЗ СБОРНИКА (2005 г.)

Птенцом, выпавшим из гнезда,
я явился сюда,
чтоб смотреть, не мигая на вас,
миллионом глаз.
Я проделал немыслимый круг
взмахами рук.
Пообтер бока песчинками лиц
обеих столиц.
Желторотый совсем, вместо “пулю
влеплю”,
я кричал – “люблю”
Научился мир узнавать,
как когда-то мать.
Я в вечернюю глубь клюв вознес
в ожидании звезд,
Что рассыпал в небе Отец,
имевший венец.

Скелет тюленя (из книги Вильгельма Танка "Анатомия для художников")

Ладожская нерпа

Ладожская нерпа, она же *Phoca (Pusa) hispida ladogensis*

Отряд Ластоногие - Pinnipedia, Семейство Настоящие тюлени - Phocidae

Ладожская нерпа - это один из самых маленьких видов тюленей. Она обитает только в Ладожском озере и, это единственное морское млекопитающее, жизненный цикл которого проходит в условиях пресноводного озера. Учитывая современное состояние популяции, подвид включен в Красные книги России и Карелии, а так же в список видов IUCN, находящихся под угрозой. Численность ладожской нерпы за последние несколько десятилетий резко сократилась - с 20 тысяч особей в первой половине XX века до 2 - 3 тысяч в настоящее время.

Средняя продолжительность жизни ладожской нерпы 30 - 35 лет. Половая зрелость наступает в возрасте 6 - 7 лет. При этом взрослое животное в среднем достигает 1,0-1,2 м длины и 50-80 кг веса. В январе-марте происходит спаривание и через 11 месяцев в снежных торосах, которые нерпы выкапывают на льду, на свет появляется один детёныш, длиной около 0,6 м и весом не более 4 кг. Основные места щенения расположены в южной части Ладоги и в шхерной районах. У новорожденных нерп белый ювинильный мех, который через 4-6 недель меняется на серый с темными кольцами, за что животное и получило свое название «кольчатая нерпа». Молочное кормление продолжается в течении 1,5 - 2 месяцев. После, когда потомство немного подрастёт, основу его питания составит мелкая рыба (корюшка, ряпушка, плотва, окунь). И в этом отношении нерпа очень расчётлива - максимальная длина тела её жертв не превышает 20 см. За день этот маленький тюлень съедает от 3 до 4 килограммов рыбы и зоопланктона.

Южная, восточная и западная части Ладожского озера мелководные, берега низменные, болотистые, песчаные, поэтому всю зиму нерпа концентрируется в этой части водоёма. А летом у неё проходит линька. В период, когда Ладога свободна ото льда, животные выходят для отдыха на сушу. Основные места летних скоплений ладожской нерпы расположены в северной части озера, более глубокой (200 м), с крутыми, скалистыми, сильно изрезанными берегами и островами, среди которых можно выделить острова Валаамского архипелага (Голый, Святой, Черный, Большой Байонный,

Сосновый, Восточный Сосновый, Лембос, Крайний, Крестовый, Лисий). При штилевой погоде количество отдыхающих на залежах тюленей в данном районе может достигать 600 - 650 животных.

В прошлом столетии ладожская нерпа имела промысловое значение, особенно ценились кожа, сало и мясо. До середины XX века тюленя считали хищником ценных пород рыб и поэтому, активно истребляли. На сегодняшний день доказано, что она поедает главным образом мелкие, малоценные виды рыб и ракообразных. Но, так или иначе, сокращение численности ладожской нерпы, начиная с 1955 г., объясняется применением в рыболовстве ставных капровых сетей, в которых животные запутываются и гибнут. С 1970 г. Государственная рыбная инспекция стала регулировать промысел нерпы в Ладожском озере посредством установления лимитов на ее добычу.

Также на популяцию этого тюленя неблагоприятное влияние оказывает разрушение льда, торошение, загрязнение вод, спортивное рыболовство и нерегулируемый массовый туризм. А стоит нерпе залечь недалеко от берега, как она сразу становится жертвой набегов волков и лисиц.

Нерпа на берегу Питкярантского залива.

Фото Анны Матасовой (г. Питкяранта)

В связи с этим сохранение тюленя возможно при ограничении рыболовства и организации охранных зон в местах летних и зимних концентраций, позволяющих минимизировать беспокойство животных человеком. При этом создание охранных зон должно сопровождаться организацией специально обустроенных мест для наблюдения за нерпой, что позволит обеспечить как сохранение, так и ее доступность как объекта для развития экологического туризма.

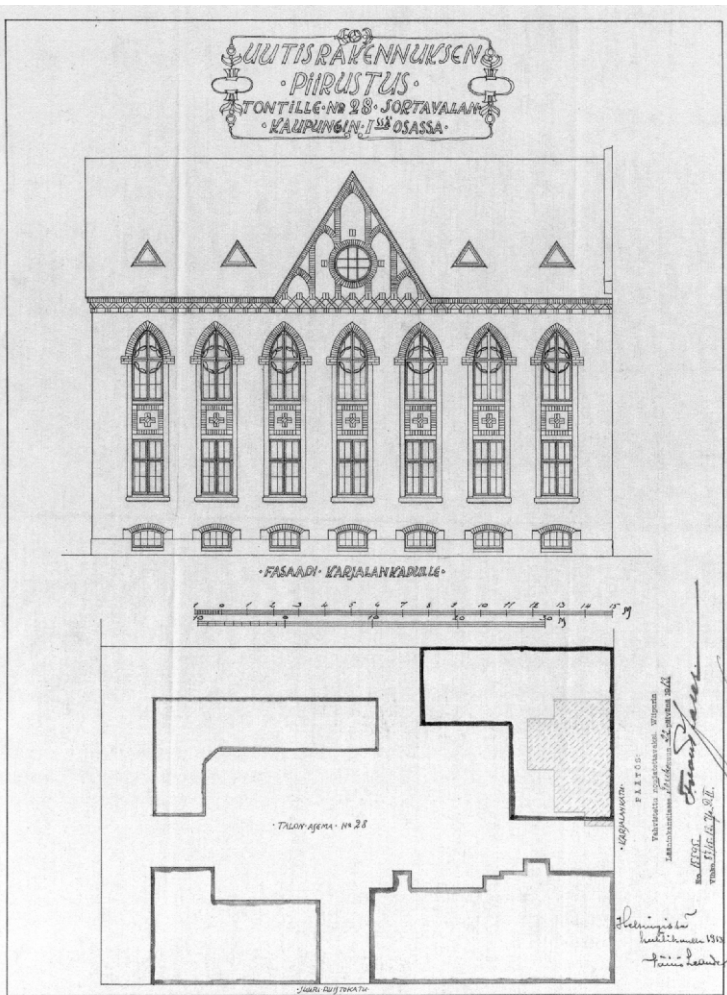
Сейчас охраной ладожской нерпы занимается Ленинградский зоопарк. В весенний период самки иногда не могут до конца выкормить детёнышей грудным молоком и бросают их. Сотрудники зоопарка самостоятельно кормят маленьких тюленей, давая им, тем самым, путёвку во взрослую жизнь.

Если вы обнаружите брошенного детёныша кольчатой нерпы, позвоните по телефону спасения: +7 (921) – 3333 – 000.

Светлана Махочей,
по материалам интернета.

Серебряный рубль Банка России, 2007г.

Здание издательства религиозной литературы на улице Карельской 42, построено в 1914 году по проекту архитектора Вяйно Леандера.

По стилистическим особенностям это здание относится к так называемой псевдоготике – эклектическому направлению, использовавшему внешние формы готической архитектуры.

О принадлежности здания к псевдоготике говорят и выделенные красным кирпичом, выступающие из плоскости белой оштукатуренной стены, оконные арки и композиция в виде арок стрельчатого очертания, помещённая во фронтон мансарды.

Представляет собой совокупность двух объёмов, тянущихся вглубь двора. Интерес представляет двухэтажный корпус, г-образный в плане, выходящий главным фасадом на ул. Карельскую.

Бывшая типография

Типография и Переплетный цех, были основаны в 1913 для обеспечения Финляндии библейской литературой отечественного производства. На предприятии за все годы работы было напечатано 494 318 финской и шведской Библии в полном издании и Новый Завет: 160 000 на русском и 5000 на языке амбо, 1 179 691 псалтырей, катехизисов и церковных настольных книг, 153 000 сборников духовных песен, из них 13.000 - на русском языке, всего - около 2 млн книг.

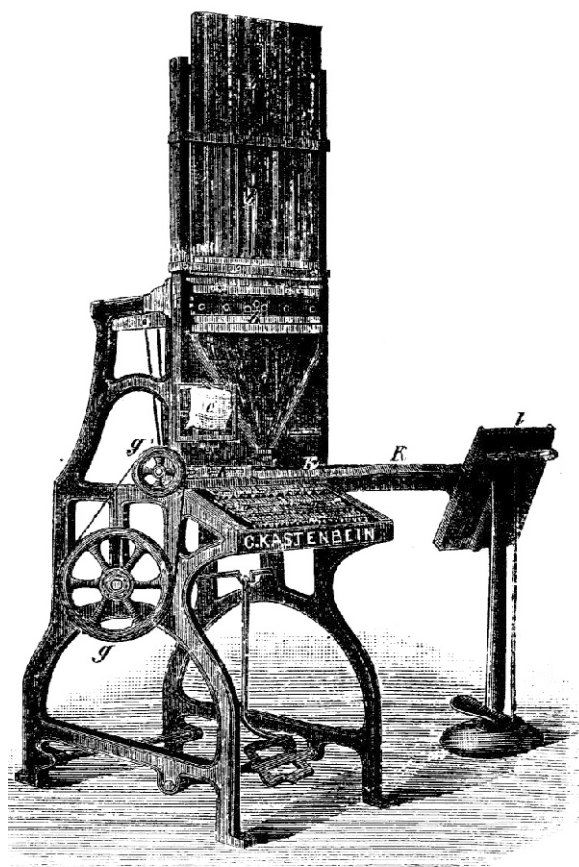
В 1920 г здание расширили, и у типографии появилась возможность увеличить объём выпускаемой продукции. Стали печатать религиозную литературу не только для нужд Финляндии но и для церквей Скандинавии, Германии и Америки.

По многим причинам предприятие было переведено в форму Акционерного Общества в 1925 г. Капитал акционерного общества составлял 1 млн. марок и именная ценность акций только 100 марок; целью было создание такого предприятия, которое объединяло бы одно общее дело. Акции распределили по возможно высокой стоимости, как позволял вексельный процент Финского Банка, а сверхприбыль отдали Обществу миссионеров Финской церкви, которая также владела большинством акций.

В правление Общества вошел советник Урьо Лоймаранта как председатель, школьный советник Й.Х. Тункело и ответственный за предпринимательскую деятельность Яло Перкко, а также исполнительный директор из Сортавала Отто Аарнисало. Заместителями были Ф. Л. Тармо и ответственный по хоз. вопросам Вильо Паананен, который также работал исполнительным директором Общества.

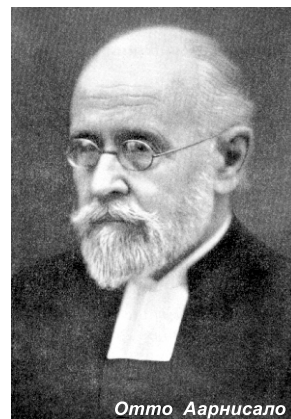
Финский период издательской деятельности на производственных площадях "Библейского дома" закончился в 1944 году.

В июле 1945 пленные немцы установили станок, изготовленный в Дрездене в 1912 году и взятый в качестве военного трофея. В связи с этим директор типографии даже издал приказ "Об усилении контроля и бдительности на предприятии". В советские времена на типографии работало около 300

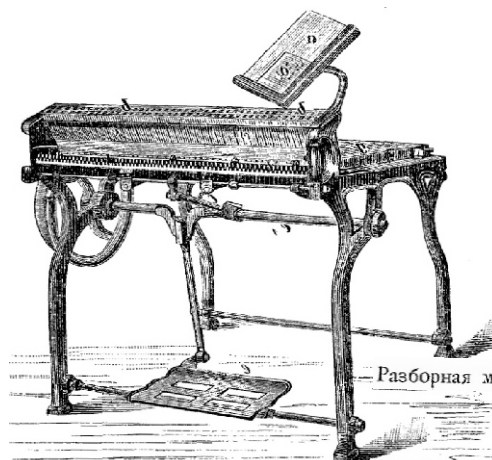

Наборная машина (фиг. 5).

человек. Сортавальская книжная типография имела не только республиканское, но и всесоюзное значение. В ней печатали свои издания московские издательства «Прогресс», «Детская литература». Книги, напечатанные в Сортавальской типографии, получали высокую оценку на многих всесоюзных и международных выставках. Об свидетельствует и книга «Сортавала» (И. Власова, М. Стафеева, изд. «Карелия», 1978 г.): «Далеко за пределами нашей республики известна Сортавала мастерами книжных дел. Лучшие книги, изготовленные в Сортавальской

Отто Аарнисало

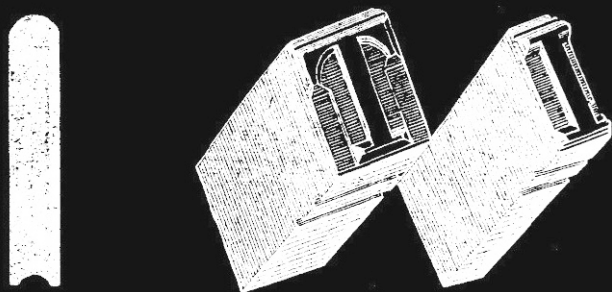

Разборная машина (фиг. 8).

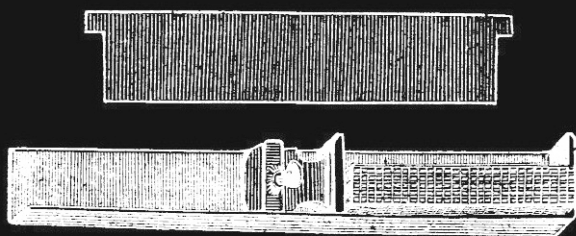
Здание типографии. Фото. 1930-е гг.

Процесс книгопечатанія состоитъ изъ 2-хъ операций: набора и печатанія. Наборъ бываетъ ручной или машинный. При ручномъ наборѣ рабочій—наборщикъ изъ отдѣлений ящика, гдѣ расположены отдѣльныя

Фиг. 1 и 2.

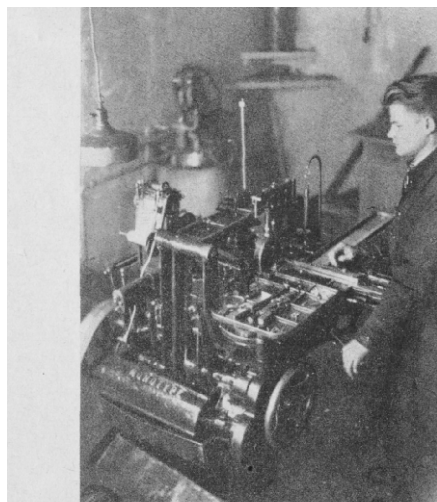
литеры (фиг. 1 и 2) или шрифтъ, беретъ пужныя для составленія текста буквы и устанавливаетъ ихъ въ должномъ порядкѣ въ длинный и узкій станочекъ (фиг. 3), въ котор. одна боковая стѣнка можетъ переставляться и быть установлена соотвѣг-

Фиг. 3 и 4.

ственно длинѣ строки. Каждая строчка отдѣляется одна отъ другой мѣдной или свинцовой прокладкой (фиг. 4). Когда т. о. наберется 10 строчекъ, ихъ переносятъ на особый наклонный столъ, а когда на послѣднемъ строчекъ наберется столько, что составитъ колонка или страница, тогда шрифтъ связываютъ шнуркомъ и переносятъ на горизонтальную доску, гдѣ набранный текстъ располагаютъ въ 2 группы, изъ которыхъ одна содержитъ текстъ, который будетъ отпечатанъ на одной сторонѣ листа, а другая—на другой. Между колонками или страницами закладываютъ прокладки и каждую группу заключаютъ въ раму, которую такъ сильно затягиваютъ болтами или клиньями, чтобы потомъ не могло произойти никакого разстройства. Полученныя т. о. доски съ шрифтомъ переносятъ на станокъ, гдѣ оттискиваютъ пробныя листы—корректуры, по которымъ исправляютъ ошибки набора, а потомъ приступаютъ къ печатанію на машинѣ. Послѣ отпечатыванія шрифтъ отчищаютъ (петroleumъ), а потомъ разбираютъ по отдѣленіямъ.

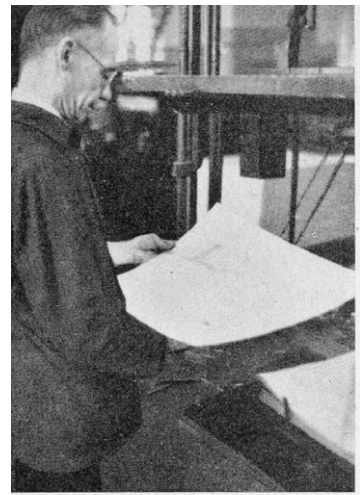
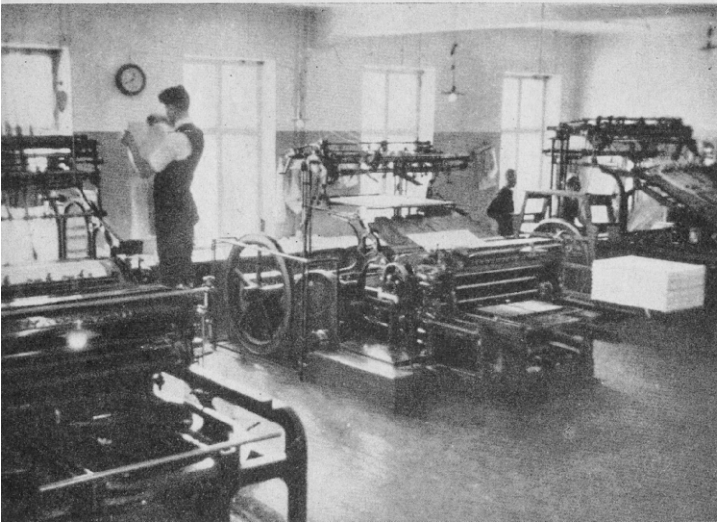
Suuremmat painatustyöt joutuvat aluksi monotypekirjoituskoneeseen.
Tämä kone työ reikiä paperinauhaan.

Reiän asema paperilla määrää minkä kirjaimen valinkone valaa.

Kirjapainossa on neljä isoa ja kolme pientä painokonetta.

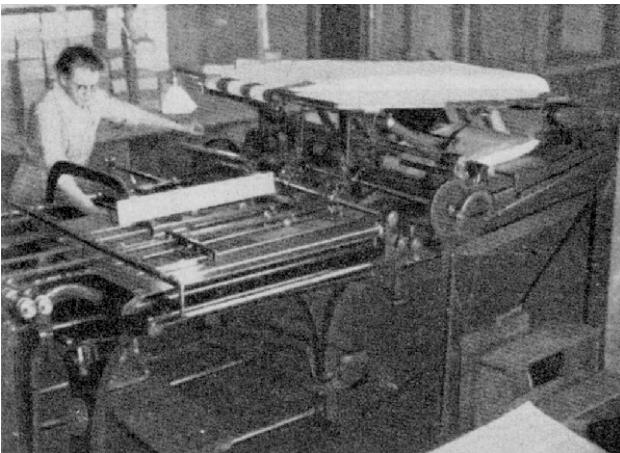
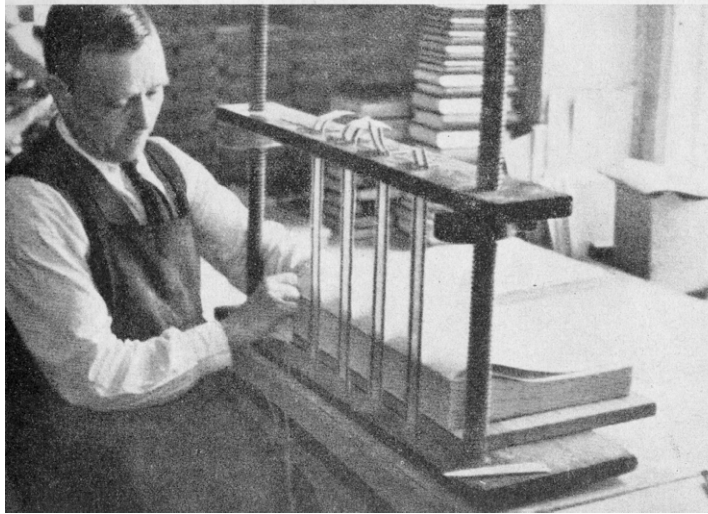

Ylipainaja valvoo että paikkaus on huolellisesti suoritettu ja että väri on sopiva.

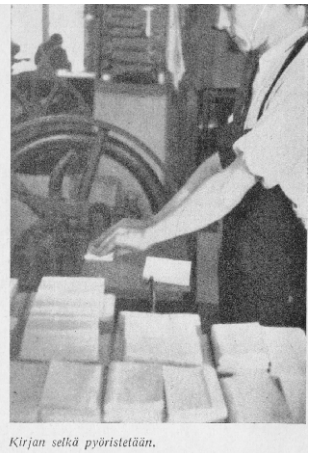
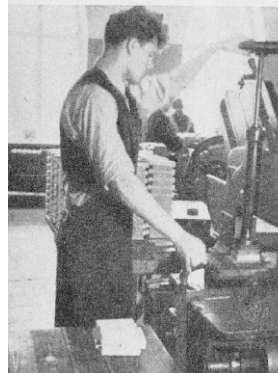
Pienemmät painotyöt painetaan n. s. tiikelikoneessa.

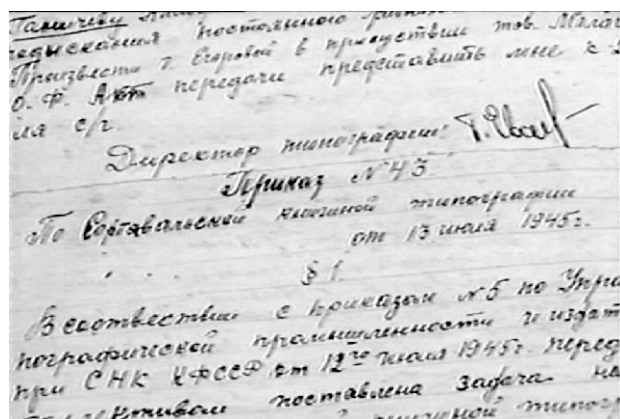
Näin nidotaan kirjat käsisitomossa. Samalla tavalla nidotaan Raamattutalossakin m. m. kirkonkirjat.

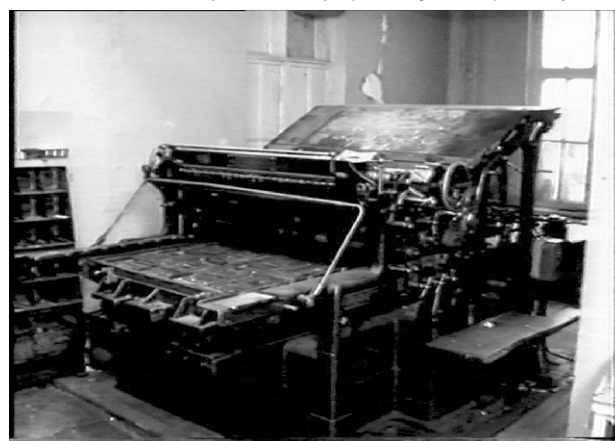
Nidotun kirjan syrjät leikataan.

Kirjan selkä pyöristetään.

Последние видеокдры из типографии. Студия "Бревис"(2001г.)

книжной типографии, экспонировались на всесоюзных, российских и международных выставках. За полиграфическое исполнение многих изданий типографии присуждались дипломы на Всероссийских и Всесоюзных конкурсах искусства книги. С чувством особо высокой ответственности сортавальские полиграфисты трудились над изготовлением тиражей произведений классиков марксизма-ленинизма. Здесь отпечатаны многие тома собрания сочинений В. И. Ленина на финском языке, значительная часть тиража которых Всесоюзным объединением «Международная книга» направлялась в Финляндию. Сортавальцы печатали «Капитал» К. Маркса на английском языке, в разное время было изготовлено много книг лучших произведений советской литературы в переводе на финский язык. Полиграфическое исполнение этих книг с цветными суперобложками было высоко оценено не только нашими, но и зарубежными читателями.

Сортавальские полиграфисты в содружестве с работниками республиканской типографии имени Анохина дали путевку в жизнь сувенирному изданию избранных рун карело-финского эпоса «Калевала». Эта книга, свободно умещающаяся на ладони, построена ее «архитекторами» и «мастеровыми» с особым тщанием и вкусом. Полиграфисты постарались достойно воплотить замысел художницы Т. Юфа, издательства «Карелия». «Калевала» на ладони удалась на славу, - отмечала пресса - миниатюрная книжица - радостный подарок для каждого, кому посчастливилось ее приобрести». В 1971 году по заказу издательства «Карелия» в Сортавальской типографии была отпечатана 100-тысячным тиражом книга «Василий Теркин» А. Твардовского с иллюстрациями художника О. Верейского. И автор книги, и художник, и издатели добрым словом отзывались о полиграфическом исполнении этого издания.

Каждая вышедшая из стен типографии книга хранит тепло многих рук мастеров книжных дел. Назовем некоторых из них. Это наборщики Л. В. Деменчук, Н. А. Белухина, печатники П. А. Федоров, Н. В. Демиденко, О. С. Силина, переплетчики Э. П. Харива, А. И. Майорова, Е. М. Воинкова и многие другие.

Сортавальские полиграфисты выполняют заказы не только издательства «Карелия», но и Мурманского, Мордовского, Дагестанского, центральных издательств «Детская литература», «Художественная литература», «Колос», «Советская Россия» и ряда других.

В 1976 году типография выпустила 48,6 миллиона условных печатных листов или 3,4 миллиона книг и брошюр. Каждый месяц с конвейера сходило до 300 тысяч экземпляров. Кроме того, здесь изготавливаются альбомы

для рисования и черчения, печатается реклама московских торговых фирм ГУМа, ЦУМа, «Детского мира». Ну, и, конечно, в типографии выпускается наша городская газета «Красное знамя». Во Всероссийских конкурсах на лучшее полиграфическое исполнение и оформление газет типографии и редакции неоднократно присуждались призовые места. Хочется в этой связи сказать доброе слово о наборщике Геннадии Алексеевиче Михайлове, который уже много лет верстает газету «Красное знамя». Коммунист Михайлов - настоящий мастер, проявляющий любовное отношение к делу. Он награжден орденом Трудовой Славы III степени.

Дрогнули валы ротационной печатной машины. Белым водопадом несется бумажная лента. То она мелькнет где-то внизу, то вырвется вверх. И вот уже на конвейере течет река небольших тетрадей-брошюр. Отсюда пойдут они в переплетный цех, и через несколько дней новая книга появится на прилавках книжных магазинов».

В 2001 году типографию закрыли. В последние годы её основным заказчиком была сортавальская газета «Ладoga». Всё имущество было выставлено на продажу единым лотом, но поскольку покупателя не нашлось, продавали частями. В частности, соседняя Приозерская типография приобрела часть оборудования.

Сейчас у «бывшей типографии» много арендаторов: здесь находятся и магазины, и юридические конторы, и судебные приставы и бюро регистрации недвижимости. Но былой славы и размаха как у внешнего вида, так и у функционального назначения, наверно уже не будет никогда...

Вид на залив Кирьявалаhti с "Композиторской горы", 2009 г., Художник В. Левицкий (г. Петрозаводск)

Ки́рьявалахти

Думаю, что многие жители сортавальской земли и ее гости согласятся, что Ки́рьявалахти - один из самых красивых заливов Ладожского озера. А финский профессор Нервандер в начале XX века утверждал, что Ки́рьявалахти - самое красивое место во всей Финляндии. Залив Ки́рьявалахти расположен в 15-16 километрах к северу от города Сортавала. Также называется и небольшой поселок на берегу с известным во всей России Домом творчества композиторов.

С высоты древних гранитных и вулканических гор, обрамляющих залив, Ки́рьявалахти очень похож на норвежский фиорд. В погожий день его поверхность искрится в лучах солнца - отсюда и название «искристый, пёстрый залив».

Многие миллионы лет Творец создавал нашу Землю, подготавливая её к появлению человека. Первыми на северный берег Ладоги пришли тысячи лет назад предки саамов - охотников. В IX-X веках от Р.Х. здесь поселились карелы. Они охотились в тайге, ловили рыбу и занимались земледелием. В лихие годы, когда из Норвегии приходили воинственные викинги, и сменявшие их в средние века шведы, карелы мужественно оборонялись, и в этом им помогали природные крепости - горы с неприступными склонами, называемые «линнамяки». Одна из таких крепостных гор расположена в самом начале залива Ки́рьявалахти, на мысу Паксуниemi («тупой мыс»).

На шведских картах 1590 и 1648 годов появившаяся на северном берегу залива Ки́рьявалахти деревушка называлась Орьятлахти, что в переводе с карельского означает «залив рабов». В начале XIX века это название закрепилось только за западной частью залива.

На русских картах 1721 и 1825 годов и финских картах 1900-х годов на месте нынешнего Дома творчества композиторов обозначена деревня Ки́рьявалахти. Но на русской карте 1772 года это поселение называется Йорма́кка (Ёрма́кка) по фамилии довольно известной в округе карельской династии Йорма́кка. В Орьятлахти еще до 1990-х годов стоял большой рубленый родовой дом Йорма́кка, впервые построенный здесь 300 лет назад.

В начале XX века поселение Орьятлахти считалось промышленным центром Ки́рьявалахтинского школьного округа. Здесь, на пороге ручья Ристия («крест-ручей»), в 50 м от впадения его в Ладожское озеро, работали мельница и пилорама, принадлежавшие братьям Симо и Юхо Йорма́кка. На берегу залива Ки́рьявалахти до 1917 года лежали большие штабеля леса и досок, приготовленные для отправки в Санкт-Петербург. Мельница и пилорама на Ристия не сохранились до наших дней, от них остались лишь жалкие фрагменты. До начала 2000-х годов неподалеку еще лежали два гранитных мельничных жернова.

Один из последних представителей знатного рода Йорма́кка Юхо Йорма́кка жил до 1932 года в поселке Ки́рьявалахти, под горой Котимяки, к востоку от нынешнего Дома творчества композиторов. Юхо Ёрма́кка стал инициатором строительства на берегу озера Ристиярви Ки́рьявалахтинской народной школы и до самой своей смерти в 1932 году являлся несменным председателем ее правления. В Сортавала на «Старом финском кладбище» сохранилась могила этого удивительного человека, много сделавшего для жителей Ки́рьявалахти.

В начале XX века район залива Ки́рьявалахти вошел в состав одноименного школьного округа, объединившего несколько поселений хуторян: Пиени Рюттю, Пиустта, Орьятлахти и Ки́рьявалахти.

В 1902 году на берегу лесного озера Ристиярви («крест-озера»), за горой Ристоваара («крест-гора») была построена Ки́рьявалахтинская народная школа. Первым учителем в школе с 1902 по 1917 годы стал Юхани Леппяля - выпускник Сортавальской учительской семинарии, прекрасный преподаватель, умелый организатор и приятный в общении человек. Он много внимания уделял организации красивой и здоровой жизни на селе и патристическому воспитанию молодежи. Юхани сумел зажечь духовную и хозяйственную жизнь хуторян, проживавших на территории от Ки́рьявалахти до Пиени Рюттю. После учительствования Юхани основал в Ки́рьявалахти кооперативный магазин, который облегчил жизнь местных жителей.

На мысу Наурусниemi («красивый мыс») озера Ристиярви находилась усадьба Юхани Леппяля. До сих пор здесь сохранились руины каменного цоколя дома, фрагменты стен скотного двора и погребца. На берегу еще можно увидеть десяток молодых пихт, старый дуб и кусты шиповника - все, что осталось от некогда богатого дендропарка.

Вторым учителем Ки́рьявалахтинской школы, с 1913 по 1919 годы, была Хильма Пиринен.

В 1921 году школа сгорела, но уже в 1924 году ее восстановили. Учителем младших классов с 1924 года работала Ирма Йорма́кка - выпускница семинарии в Суйстамо, а учителем старших классов воспитан - Пааво Неувонен, закончивший семинарию в Раумаа.

Школа Ки́рьявалахти была для жителей Пиени Рюттю и Ки́рьявалахти тем местом, где они могли собраться

вместе, чтобы культурно провести время и обсудить наиболее важные вопросы. Школа, по-сути, являлась культурным, просветительским и духовным центром Кирьявалахтинского школьного округа. При школе действовали: хор Общества сельских женщин, смешанный хор, учебный клуб, спортивное общество «Искра Кирьявалахти» (руководитель Пааво Неувонен), отделение Сельского союза, патриотическое общество «Лотта» (руководитель Юхани Леппяля), общество «Мартта», театр. Здесь же проходили многолюдные общие богослужения. Хуторян также объединяло образованное в 1920 году Землячество сельских жителей (председатель Леппяля).

Вокруг школы под руководством Юхани Леппяля был разбит прекрасный сад. Рядом находились возделанные поля фермеров Юхо и Симо Сийтоненных, а чуть подальше владения Яаттинена.

После войны, в конце 1940 - начале 1950-х годов здание Кирьявалахтинской школы было либо разобрано, либо сожжено. Сейчас на месте школы буйно разрослись сорные кустарники, и только несколько стройных берез указывают место, где стояло здание. Неподдалеку сохранились руины каменного скотного двора, принадлежавшего одному из представителей знатного рода купцов и землевладельцев Сийтоненных. За развалинами постройки начинаются поля фермера Володи Захарова, ранее принадлежавшие Яаттинену. Володя пришел сюда в начале 1990-х годов. На старом фундаменте дома поставил теплый сруб для коров и рядом - легкую пристройку. Обзавелся техникой, и стал потихоньку хозяйствовать на давно не выдавшей плуга земле. На Черном мысу, откуда видна центральная часть Большого Ристиярви, нередко собираются туристы и рыбаки. Все-таки какая-то жизнь здесь еще теплится...

Школа Кирьявалахти располагалась в южной части деревни Пиени Рюттю, в состав которой входило несколько десятков хуторов, разбросанных среди лесов и полей на большой территории от озера Рюттюярви до озера Ристиярви. Центр деревни находился на пересечении дорог из Кирьявалахти в Рюттюярви и на Петсавара, в 400 м к северу от школы. Здесь, на опушке леса, до сих пор видны развалины жилых и хозяйственных построек, в начале XX века принадлежавших Юхо Харттунену. Недалеко стояли дома магистра Лаури Хямляйнена, фермеров Яакко Кивилинна, Юхо Карттунена, Сойнинена, Раутио, заведующего кооперативной кассой Кале Сийтонена. Вдоль дороги на озеро Рюттюярви в густом лесу с трудом различаются фундаменты домов и хозяйственных построек братьев Куокканенных, Юхо Синиё, Тойно Кокко, братьев Хейкки, Ивари Виртанена и других жителей Пиени Рюттю, навсегда покинувших эту многострадальную землю осенью 1944 года.

Пришедшие на смену карелам и финнам в 1944 году переселенцы из Центральных районов России, Белоруссии и Украины поначалу как-то пытались возродить опустевшие деревни, поднять сельское хозяйство, и одно время им это удавалось сделать - еще в 1970-е годы в Пиустта и Орьятлахти работали летние дойки, стояли риги с сеном.

Но потом пришли сложные времена, когда и эти жители вынуждены были тоже покинуть умирающие деревни, и переселиться в крупные поселки и города. И сейчас просто не верится, что на заросших полях всего 50-60 лет назад проживало в своих добротных домах

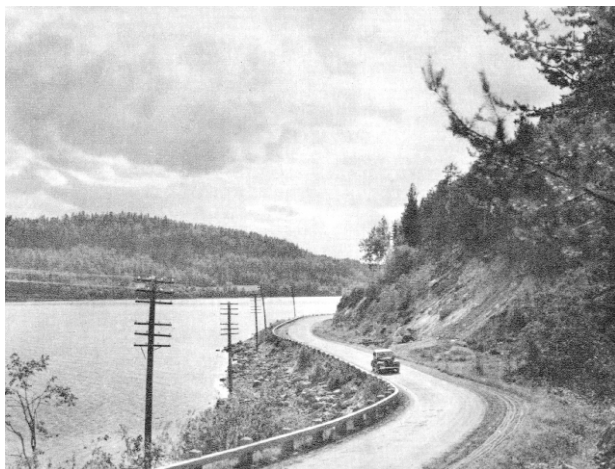
более сотни людей, и что во многих постройках было электричество...

Еще в 1930-е годы в центральную часть Пиени Рюттю, Орьятлахти и Кирьявалахти было проведено электричество, которое вырабатывалось на маленькой гидроэлектростанции, построенной братьями Нюккяненными в верховьях ручья Ристия.

На северном берегу Кирьявалахти, под горой Элесинваара, в начале XX века жил предприниматель Куусинен, который занимался перевозкой местных жителей и товаров в Сортавала и обратно на собственном корабле «Кирьявалахти».

Неподалеку, на мысу Эллиниemi, до строительства здесь дороги, стоял дом Антти Куокканена, а к западу от упомянутого мыса - дома братьев-рыбаков Эйно и Петера Пеуххуриненных.

Дорога вдоль скалистого северного берега Кирьявалахти была проложена финнами только в 1930-е годы, а до этого времени вместо нее шла опасная горная тропа, передвижение по которой занимало много времени и сил. Дорогу строили долго. Для этого в неприступных береговых скалах бурили скважины, заряжали их динамитом и взрывали. По краю дороги установили гранитные столбы для крепления ограждений, которые при расширении дороги в 1990-е годы были уничтожены.

В 1910-1920-е годы на северном берегу Кирьявалахти, в подножье горы Пийспанвуори, финны добывали блоки темно-красных гранитов, которые широко применялись в строительстве города Сортавала. Например, из них вытесаны мощные пилястры и полуколонны бывшего Торгового дома на улице Карельской (архитектор Уно Улберг, 1915). Этот камень использовался также для облицовки сортавальской набережной.

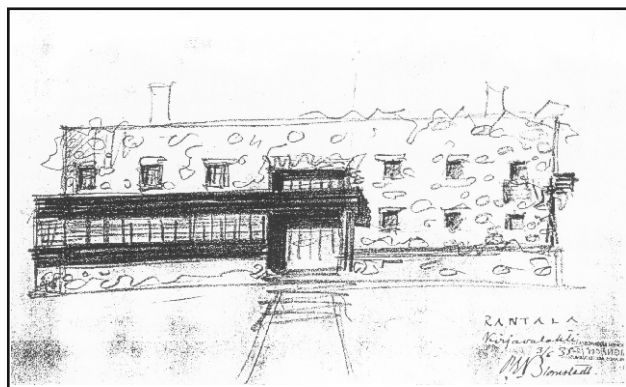
В конце XIX - начале XX века на берегах Кирьявалахти стали появляться дачи, владельцами которых были не только жители Сортавала, но и других городов Финляндии, в том числе и Хельсинки.

В первой трети XX века одним из владельцев земли в Кирьявалахти был фермер Я.Рантала, который занимался и сельским хозяйством, и обработкой древесины, и производством кирпича. В начале 1930-х годов он продал свой участок владельцу хельсинской аптеки «Карелия» Тауно Яскеляйнену, который решил поставить в Кирьявалахти большой дачный дом из камня и кирпича. В то время в Хельсинки жил и работал молодой архитектор Пауль Эрнест Бломстедт (1900-1935 годы).

Еще в детстве ему полюбилися сортавальские места, где он не раз бывал со своим отцом, известным архитектором Урьё Бломстедтом - автором смотровой башни и сцены на певческом поле в парке Ваккосалми, построенными к празднику песни в 1896 году.

Эскиз кирьявалахтинской дачи («усадьбы Рантала»), подготовленный Паулем Бломстедтом незадолго до своей смерти, в 1935 году, сразу же понравился заказчику. Но разработкой проекта и строительством дачи Яскеляйнена занялись уже другие архитекторы - супруга Бломстедта Мартта (в девичестве фон Виллебрант) и Матти Лампен. Строительство дачного дома было завершено в 1937 году... ▶ стр.55

П. Бломстедт с супругой Марттой, 1921г.

Дом у Ладоги (из сборника Ю. Линника)

...Кумиром молодого финского зодчего был Эрих Мендельсон. Его знаменитая башня Эйштейна /1920-1921/ - манифест экспрессионизма: форма рвётся к свободе - к полноте самораскрытия. Теперь её не стесняет жёсткий каркас. Церковь для Каннонкоски, спроектированная П. Бломстедтом в 1933 г., отвечает этой эстетике. Храм пленяет своей пластичностью. Экспрессия тут поверена гармонией - напряжённый стиль как бы успокоился, обрёл внутреннюю уверенность; но сохранил своё трансцендентное устремление.

Эрих Мендельсон выявил новые ресурсы архитектурной горизонтальности. Отзвук его композиционных исканий чувствуется в даче Т. Яскелайнена. Однако

Дача аптекаря Яскеляйнена. Конец 30-х годов XX века

лучше не подбирать для неё аналогий. Да это и трудно. Архитектор предельно самобытен. Мера новизны здесь огромная.

Как бы два плана проступают в стилистике здания: в одном звучит эхо национального романтизма - второй отражает обретения архитектурного авангарда. Этот синтез философичен. Я бы сказал, что П. Бломстедт проявил в своём шедевре душу Финляндии - её любовь и к волшебной сказке, и к рациональной схеме. Это совместимо. Больше того: противоположности разрешаются в покоряющую гармонию - через здание нам явлена полнота человеческих способностей. Одномерность не для П.Бломстедта. На языке архитектуры с нами говорит тонкий диалектик.

Валуны в бетонном растворе: этот приём охотно применяется в Финляндии при возведении оград и фундаментов; он использовался в замковом и монастырском строительстве. Э. Сааринен расширяет его диапазон: на даче Г. Винтера в данной технике выполнены колонны - смелость решения очевидна. П. Бломстедт идёт ещё дальше. На берегу Кирьявалахти мы видим, что валунная кладка задействована тотально - она определяет облик здания в целом. Валуны словно парят в невесомости. Эта победа над силой тяжести впечатляет. Поэтика парадокса заложена в небывалые фасады здания. Привычная логика отношений нарушается. Тяжёлые камни - как воздушные шары: есть тут и нечто игровое, едва ли не карнавальное. Для меня дача Т. Яскелайнена - захватывающая феерия.

Здание являет симбиоз камня и дерева. К их контрапункту северный модерн стремился искони. П. Бломстедту дороги оба природных материала - он сумел наладить новые связи между ними.

Романтизм и рационализм - быть может, именно эта дилемма была главной для финской культуры первой половины XX века. П. Бломстедт предложил свой вариант её разрешения. Изучая его архитектурную графику, остро чувствуешь: он мечтал строить грандиозные Мистериумы - он был носителем космического сознания. Мысленно представляю ландшафт, в который вписались здания-грёзы, спроектированные П. Бломстедтом - это был бы вид другой планеты.

В творчестве П. Бломстедта отчётливо звучит мистическая нота. Человек огромной духовности, он стремился к тому, чтобы архитектура говорила о высшем, сокровенном.

Дом у Ладоги: он воспринимается то как архаика, то как новация - эта амбивалентность ему сознательно сообщена зодчим, любившим интеллектуальную игру. П. Бломстедт - *Noto ludens*: человек играющий.

Мастер скончался в момент своего акмэ. Печально.

(Акмэ в переводе с греческого - высшая степень развития, пора расцвета.)

П. Б. Бломстедт. Автопортрет. 1930 г.

Церковь в Каннонкоски, 1933-1938 гг.

...Главной достопримечательностью дачи Яскеляйнена считается обеденный зал, выполненный в стиле бревенчатой избы со стенами из круглых бревен черного цвета. В интерьере сохранился старинный камин. На второй этаж ведет монументальная лестница.

Зимой 1940 и летом 1941 года в здании дачи Яскеляйнена размещался штаб финских войск, что породило легенду о пребывании здесь самого генерала Маннергейма.

В 1946 году бывшая дача Яскеляйнена вошла в состав Дома творчества композиторов «Сортавала» Союза композиторов России. На территории 20,9 Га было построено примерно 27 дач. За 60 с лишним лет в Доме творчества в Кирьявалахти побывало много замечательных людей: композиторов, писателей, художников, артистов, ученых. Более 100 заслуженных работников культуры и науки России.

От Дома творчества верх по крутому склону горы взбегает тропа. По ней можно подняться на вершину «Горы художников», с которой писали свои этюды Николай Рерих и Борис Смирнов-Русецкий.

На вершине горы с 1992 года стоит геодинамический знак, недавние замеры которого показали, что территория Кирьявалахти и Сортавала поднимается со скоростью 1-1,5 мм в год. Это поднятие имеет тектоническую природу и связано с исчезновением ледника, сковывавшего Карелию и Финляндию 14-20 тысяч лет назад. Тяжелый ледниковый панцирь толщиной до 2,5 км вдавил земную кору вглубь Земли, а когда он растаял (около 14 тысяч лет назад), земная кора стала возвращаться в свое первоначальное состояние.

Тысячи лет назад скорость поднятия территории Северного Приладожья была намного больше современной, что вызвало обмеление даже крупных последниковых озер и формирование сложного рельефа. Поднятие земной коры сопровождалось разрушительными землетрясениями силой до 7-9 баллов. В окрестностях Кирьявалахти встречено много следов древних землетрясений, в основном на берегах озера Ристиярви и в горах Петсеваара.

В западной части озера Ристиярви расположена гора Росвокаллио («гора разбойников»). Старая легенда гласит, что в пещерах этой горы, среди каменного хаоса когда-то прятались разбойники. Известный в стране исследователь землетрясений доктор геолого-минералогических наук А. А. Никонов считает, что глыбовый развал Росвокаллио образовался тысячи лет назад в результате сильного землетрясения магнитудой 9 баллов. Последние подвижки скал здесь произошли практически недавно - всего 200 лет назад.

Сложный лабиринт пещер и щелей среди наваленных друг на друга гигантских глыб отпугивает и в то же время заманивает путешественников. Ходить по таким развалам очень тяжело, да и опасно - лучше посмотреть на гору со стороны, например, с Медвежьего мыса, куда ведет старая финская дорога.

Древние сейсмические уступы, обвалы и россыпи также известны в восточной части озера Ристиярви, действительно имеющего форму большого латинского креста, вытянутого в широтном направлении на 5,5 км. Тысячи лет назад уже уставшая от геологических катаклизмов земная твердь все же раскололась крестнакрест, и в образовавшиеся гигантские щели хлынула ледниковая вода - так родилось озеро Ристиярви.

Скалы в окрестностях озера Ристиярви и на северном

берегу залива Кирьявалахти сложены древнейшими в Северном Приладожье горными породами, которые образовались 2,2-3,0 млрд. лет назад гранито-гнейсами, тоналито-гнейсами, гранитами и амфиболитами.

По мнению известного геолога, доктора геолого-минералогических наук А. П. Светова, 2 млрд. лет назад между Домом творчества композиторов и озером Ристиярви находилось жерло Кирьявалахтинского вулкана, из которого на протяжении миллионов лет изливались потоки базальтовой лавы и выбрасывались тучи пепла. Высота этого вулкана достигала 2,2 км, ширина - от 50 до 100 км. За прошедшие миллиарды лет Кирьявалахтинский вулкан был сильно разрушен выветриванием, и от него остались только края, которые в виде невысоких горных хребтов тянутся от поселка Хелюля до Кирьявалахти, и от поселка Харлу до поселка Рюттю. В процессе извержений в недрах вулкана образовались залежи золота, серебра, свинца, меди, вольфрама, урана, поделочных (яшмы) и строительных (амфиболиты и мраморы) камней.

Наиболее интересные для науки и туризма остатки вулкана находятся в 4 км к северу от Кирьявалахти - горы Петсеваара. От Харлу до Рюттю тянется высокий хребет с крутыми, обрывистыми и сыпучими склонами. Именно здесь расположены самые высокие вершины Северного Приладожья - Петсеваара (187,6 м) и Ахвенламменяки (182,2 м), разделенные цирковой долиной с озером Ахвенлампи («окуновое озеро»). У подножья хребта в глубоких и длинных долинах лежат тихие лесные озера - Хауккаярви («щучье озеро»), Питкяярви («длинное озеро») и другие.

В 1930-е годы на горе Петсеваара финны установили смотровую башню для туристов, с которой можно было любоваться красотой ладожских заливов и островов до самого Валаама, метеоритной котловиной озера Янисъярви, крестообразной долиной озера Ристиярви, золотистыми полями и кирпично-красными постройками деревни Пиени Рюттю. Отсюда был виден весь Кирьявалахтинский школьный округ с его неповторимой природой и богатой историей.

Но нынче на горе Петсеваара нет никакой башни, и туристы приходят сюда редко, оставляя на память в тайниках под камнями записочки и подарки для будущих посетителей. До войны на Петсеваара вела хорошая туристская тропа, в поселке Кирьявалахти можно было взять лошадей и верхом быстро добраться до гор. Сейчас тропа заросла и утонула в болотах, а в Кирьявалахти давно нет никаких лошадей.

Несмотря на проблемы в области природного туризма, в последние годы Региональный Музей Северного Приладожья занимается разработкой и организацией экскурсий на гору Петсеваара и озеро Ристиярви (автор Борисов И.В.). В этом году большой интерес к развитию природных маршрутов вокруг Кирьявалахти стал проявлять Дом творчества композиторов «Сортавала» (директор Братышева М. И.). Мы надеемся, что уже в ближайшее время туристы, приезжающие в Сортавала и Кирьявалахти, смогут побывать на древней вулканической горе Петсеваара и посетить Крестовое озеро с уникальным природным обвалом Росвокаллио. А в самом поселке Кирьявалахти, в Доме творчества композиторов, гости, как всегда, смогут хорошо отдохнуть от житейской суеты и зарядиться энергией воды, леса и камня.

Борисов И. В.

TIIVISTELMÄ

TEEMAT.Vedestä.

4

Tässä osastossa esitetään kolmen sortavalalaisen kirjoitukset: filosofi Juri Linnik Laatokan alueen maisemasta ja pienoismaasta; Aleksander Izotovin kirjoitus "Sortavalan magia", jossa tekijä vertailee rakennuksia ja ranta-alueen käyttöä 20. vuosisadan alussa, keskivaiheilla ja lopussa. Tämän lehden seuraavassa osassa kerrotaan seikaperäisesti Sortavalassa asuneiden karjalaisten ja suomalaisten kalastuksesta; laivaliikenteestä Valamoon Pohjois-Laatokan alueella ja sotatoimista Laatokalla vuosina 1939-1944. Samassa yhteydessä on neuvostoliittolaisten taitelijoiden värikuvia. Insinööri Petr Voitsehovski kirjoittaa juomaveden käytöstä haastattelee kaupungin pääsanitaarilääkärinä M. Turueva tähän artikkeliin liittyy kuvia laitakaupungin kaivoista, joista sortavalalaiset mieluiten ottavat vettä.

Asianajaja

22

Svetlana Mahohei haastattelee asianajaja Aleksander Nikolaevich Gratsianovia Sortavalan kaupungista. Gratsianov syntyi Nizhni Novgorodissa ja soitti rock-yhtyeessä Ton-Ton. Hän tekee myös lauluja, hiljattain valmistui albumi. Hänellä oli taiteen harrastajan kutsumus. Hän muutti Sortavalan ja työskenteli syyttäjän toimistossa, Sortavalan piirin johtajan apulaisena.

Kaunokirjailija

26

Natalja Ahonen on asunut lapsuudestaan asti Pitkärannassa. Hän kirjoittelee runoja ja kertomuksia ja on Novaja Ladoga lehden toimittaja. Esitetty kertomus käsittelee perhettä Karjalan kylissä.

Uimari

30

Vuonna 1927 rautatieaseman työntekijä Matti Juho Härmäläinen Rytystä teki maailman ennätyksen uimalla Laatokan yli Valamosta Sortavalan ajassa 26 tuntia 9 minuuttia. Artikkelin on lyhennetty käännös "Laatokka"-lehden artikkelista elokuun 13 päivänä v. 1927.

Ohjaaja

32

Viktor Alekseevich Pechurinin kohtalo on mielenkiintoinen. Hän syntyi v. 1913 Artjomovskissa ja aloitti siellä toimintansa teatterissa. Armeija jälkeen hän oli taidehallinnon johtaja Altain alueella ja vuosina 1940-41 Barnaulin alueen draamateatterin johtaja. Sodan jälkeen Pechurin joutui Sortavalan, johti Sortavalan alueen armeijan laulu- ja tanssiyhtyeitä ja toimi sitten kaupungin puiston johtajana. Hän oli kaupungin hallinnon kulttuuriosaston johtaja ja perusti v.1953 draamayhtyeen Sortavalassa joka kehittyi tuli kansanteatteriksi. Tämä teatteri toimi v.1986 asti. Viktor Alekseevich kirjoitti käsikirjoituksia ja ohjasi kaupungin juhlia.

Runoilija

40

Aleksander Izotovin, jonka runoja esytetään, on runoilija, muusikko, historioitsija ja filosofi. Hän on syntynyt ja kasvanut Sortavalassa ja asuu nykyisin Suomessa Joensuussa. Izotov työskentelee tutkijana yliopistossa. Hänen runonsa käsittelevät suuren paletin ajatuksia nykymaailmasta.

Eläin

42

Laatokan norppa on hyljelaji, joka on mainittu Karjalan Tasavallan ja Venäjän Federaation Punaissa kirjassa mainittu. Tätä uhanalaista lajia on elossa noin 2-3 tuhatta.

Kohde

44

Arkkitehti Valentina Kirjanova kirjoittaa Raamattu-talon historiasta. Neuvostoliiton aikana talo oli myös kirjapaino. Se sijaitsee Karjalankadulla.

Ympäristö

51

Igor Borisovin kirjoitus " käsittelee Kirjavalahden kylän historiaa ja elämäntapaa. Juri Linnikin kirjoituksessa "Talo Laatokalla" kerrotaan taiteellisesta suomalaisesta arkkitehdista Paul Blomstedtistä, jonka viimeinen teos oli apteekkari Jääskeläisen kesähuvila eli nykyinen Säveltäjien talo.